

В МОЕЙ РУКЕ - ГИБЕЛЬ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Детектив-триллер

Татьяна Степанова

В моей руке - гибель

«ЭКСМО»

Степанова Т. Ю.

В моей руке - гибель / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,
— (Детектив-триллер)

ISBN 5-04-006186-2

Жуткие события происходят неподалеку от Москвы: одно за другим находят мертвые тела людей, чудовищно изувеченные, просто растерзанные. И местные жители жалуются, что стали пропадать домашние животные, а еще кто-то зверски убивает собак... Ползут слухи об оборотне, человеке-звере. Начальник «убойного отдела» Подмосковья Никита Колосов с самого начала подозревает, что появился новый жестокий маньяк, убийца-серийник. Журналистка Катя почти что согласна с ним, но ее мучают ужасные сомнения. Она догадывается, где искать маньяка, но ей страшно поверить своим догадкам...

ISBN 5-04-006186-2

© Степанова Т. Ю.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Татьяна Степанова

В моей руке – гибель

Пролог

По ночному разбитому весенними дождями проселку тащилась старая облупленная «Волга», из тех, что доживают свой век в источенных ржавчиной гаражах. На крыше – багажник, а на нем – доски и картонки. В салоне – узлы, тюки и прочий дачный скарб. За рулем – старик в очках, суконной кепке и со слуховым аппаратом. Рядом на сиденье – по всему видно – его спутница жизни в теплой кофте и по-комсомольски повязанной цветной косынке, прикрывающей жидкий перманент. Мотор «Волги» натужно хрипел, словно поднимал машину на крутую гору и никак не мог одолеть подъем.

– Нет, так не пойдет. Я все же взгляну, что там, – старичок затормозил и решительно полез из машины. – Может, масло подтекает? А то ведь не доедем.

Его жена, зевая, взглянула на часы: половина четвертого утра, темная стена леса по обочинам шоссе, тусклый свет фар едва пробивается сквозь плотную пелену тумана.

– И стоило только в такую безбожную рань подниматься, – она снова зевнула, наблюдая за мужем. Тот открыл капот и деятельно склонился над мотором. – Ну что, совсем встали?

– Нет, нет, сейчас, Шурочка. Я тут только кой-чего законтачу... Не волнуйся.

Женщина, ежась и кутаясь в кофту, вышла, обогнула машину и засеменила к кустам на обочине. Шаги ее глухо отдавались в тумане. Потом они стихли. Но вот зазвучали снова – тяжелые, торопливые.

– Там кто-то есть, – прошептала она. – Поехали отсюда.

– Сейчас, сейчас, – старик со слуховым аппаратом продолжал колдовать над мотором.

– Я тебе говорю: там кто-то есть. Был. Я видела. В лесу, в ельнике... И там тошнотворно пахло... – Она с силой захлопнула дверцу «Волги».

Муж ее вернулся за руль.

– Вечно ты все выдумываешь. Креститься надо, знаешь ли, когда... – возразил он вяло. – Кто там может быть в такую рань? Для грибников не сезон – какие в мае грибы? А для деревенских...

– Какие деревенские, – женщина настороженно и испуганно вглядывалась в выступающую из тумана темную полосу леса. – Я же объясняю тебе: ТАМ КТО-ТО БЫЛ. И... и я испугалась... Поехали отсюда, ради бога, скорее, ну!

Старик завел мотор. «Волга» натужно тронулась с места. Жена его то и дело оглядывалась назад. Оглянулся и он. Что это? Ему померещилось, что какая-то тень мелькнула в тумане, пересекла шоссе и пропала, точно растворилась во мгле.

– Бомж, наверное, бродяга, – проворчал он. – Мало ли их сейчас шляется? С вокзалов кочуют, с помоек... Весна ж, всякая тварь шебуршится, потому что теплынь стоит и...

Его жена молча полезла в «бардачок». Старик увидел, как она торопливо сыплет себе на ладонь белые колесики нитроглицерина. Руки ее дрожали. Одна таблетка скатилась на сиденье.

С востока потянуло предутренним ветерком. Пелена тумана сдвинулась, открывая небо. Над лесом недвижно застыл белесый диск луны. Спросонья пискнула в чаще птица. За ней следом еще одна, еще. Кто-то потревожил их сон. Потом настало мгновение абсолютной тишины. Потом ее нарушил странный звук – хлопанье, всплески, словно какой-то зверь шумно утолял жажду на водопое. Звук доносился из глубокого оврага, заросшего по склонам молодой порослью осин, берез, рябин и боярышника, окутанных дымкой первой зелени. По глинистому дну

оврага струился жиденький ручей – остатки талой воды. В яме, образовавшейся под корнями рухнувшей от старости трухлявой березы, вода скапливалась, образуя крохотное озерцо.

Возле ямы можно было смутно различить какую-то приземистую тень, припавшую к воде. Вот тень шевельнулась, на мгновение оказавшись в лучах лунного света, пробивающегося сквозь листву. Это был человек, обнаженный по пояс. Он наклонился и, набрав в грудь воздуха, окунул голову в воду. Затем начал отфыркиваться, кашлять. Брызги с него летели в разные стороны, когда он тряс головой, торопливо зачерпывая пригоршнями талую воду, и плескал себе на грудь, на плечи, словно смывая с себя что-то.

Лунный свет заиграл бликами на воде, тронутой рябью. Когда рябь исчезла, стало заметно, что по воде все дальше и дальше расходится черное маслянистое пятно.

Человек ополоснул в ручье руки, поднес ладони к лицу. Вода смыла все. На то она и вода. Но запах остался. Человек поднялся. Одним прыжком перемахнул через поваленную березу и неторопливо зашагал по дну оврага. Походка его была бесшумной и мягкой. Цепляясь за стволы и корни, выступающие из глины, он ловко вскарабкался по обрыву. Замер на секунду, прислушиваясь. Где-то далеко за лесом послышался паровозный гудок. Там была маленькая дачная станция. Человек отлично знал ее название. Утро вступало в свои права – к перрону прибывала первая утренняя электричка.

Человек вздохнул полной грудью. Никогда еще ему не было так хорошо. Ветерок донес запахи: аромат клейкой листвы, лопнувших на деревьях почек, влажной древесной коры, земли, молодой хвои, дыма, дальнего человеческого жилья и тот неистребимый аромат, что все еще оставался на его коже – на губах, груди, руках, – солоноватый, терпкий, его нельзя было спутать ни с чем другим. А также еще один – не запах, а призрак запаха, доносившийся из чащи с той стороны леса, рассеченного пополам проселочной дорогой. Он шел оттуда, где всего полчаса назад останавливалась старая «Волга» с глохнувшим мотором. Это был липкий тошнотворный запах гниющей плоти. Плоти, некогда заботливо прикрытой дерном, сухими ветками и палой листвой. ТО был зов ПРОШЛОЙ ДОБЫЧИ.

Человек посмотрел на луну. Она походила на залепленный катарактой подслеповатый глаз. Возможно, луна следила за ним. Он согнулся и бесшумно скользнул в чашу: серая тень в предутренней мгле. Только тихо качнулись ветки елей. С них упали на землю дождевые капли.

Глава 1

БРОШЕННАЯ ПУШКА

Неожиданные происшествия имеют обыкновение обрушиваться нам на голову в самое неподходящее время. По закону подлости так случилось и на этот раз. Катя Петровская приехала в Раздольский отдел внутренних дел по самой банальной служебной надобности: сделать репортаж о завершившейся в этом районе Подмосковья профилактической операции «Меркурий», связанной с пресечением нарушений правил торговли на потребительском рынке. В качестве криминального обозревателя пресс-центра областного ГУВД Катя должна была регулярно освещать подобные операции на страницах «Вестника Подмосковья».

Дело было так: они сидели в кабинете начальника отдела милиции подполковника Спицына и мирно беседовали под включенный диктофон, как вдруг настоящим громом среди ясного неба грянул звонок из дежурной части и...

О том, что убит именно Игорь Сладких, Катя узнала только в машине. Услышав от дежурного рубленую лаконичную фразу **«заказное убийство»**, она решила, что **уж на этот раз** во что бы то ни стало окажется на месте происшествия одной из первых, раньше следователя прокуратуры, раньше опергруппы из Главка, и узнает все из первых рук, даже если вежливый подполковник Спицын наотрез откажется взять ее туда с собой. Однако на ее осторожную просьбу начальник Раздольского ОВД отреагировал молниеносно и весьма оригинально:

– Вы, Екатерина Сергеевна, на машине?

– У нас «жигуль» пресс-службы, а за водителя наш оператор, – пылко заверила Катя.

– Тогда подбросьте нас с моим замом туда, – Спицын смущенно хмыкнул. – Ситуация с машинами у нас – швах, Екатерина Сергеевна. Все на ремонте. Дежурная уже с опергруппой туда уехала, розыскные без бензина, лимит, чтоб его черти взяли! Так что – услуга за услугу.

– О чем речь! Так кого же убили? – Катя снова украдкой включила диктофон в сумочке.

Услышав фамилию Сладких, она от удивления едва не присвистнула по-мальчишески. Игорь Сладких считался в Подмосковье фигурой скандально известной. Кем он только не успел побывать за свои тридцать восемь лет! Кадровым офицером спецподразделения КГБ – в конце восьмидесятых, председателем правоохранительного фонда «Щит и Закон» – в начале девяностых, затем руководителем кооперативного объединения «Сельхозпродукт», затем владельцем сети винно-водочных торговых точек на территории Раздольского, Павлово-Посадского и многих других районов, затем крупным водочным фабрикантом, затем депутатом Госдумы от блока экономически независимых кандидатов, основателем и бессменным председателем республиканской партии свободного предпринимательства, насчитывающей в своих рядах двадцать кооптированных членов, затем...

На последних выборах в Госдуму партия и блок Сладких с треском провалились: среди претендентов оказались люди с темным криминальным прошлым, и, после того как все это просочилось в печать, разгорелся скандал. В результате и сам Сладких не прошел по одномандатному округу как независимый кандидат. Помимо всего вот уже четыре месяца налоговая полиция собирала на Сладких материалы о злостном уклонении от уплаты налогов, а областная прокуратура плотно интересовалась его персоной по другому, еще более серьезному поводу. Фамилия Сладких прямо фигурировала в уголовном деле, возбужденном по факту убийства в Раздольске двух активных членов Михайловской ОПГ. «Бичей» среди бела дня расстреляли возле своей машины из автомата.

Сладких не отрицал того, что присутствовал на месте убийства. По его словам, он и его охранник в той ситуации действовали строго в пределах необходимой обороны, когда группа «хулиганов», как было заявлено Сладких на допросе следователю, «покушалась на его честь

и достоинство». По показаниям Сладких, убийство было на совести его охранника, который в момент конфликта с «хулиганами» завладел автоматом, находившимся в руках одного из них, и «случайно» произвел из него выстрелы. Вся сложность проверки, однако, подобных утверждений бывшего депутата заключалась в том, что на второй же день после героического сражения с «неизвестными хулиганами» молодец-охранник загадочным образом отдал концы: вроде бы нетрезвый переходил улицу, и его сшибла машина. Ее так и не нашли.

И вот теперь концы отдал и сам Игорь Сладких. Из скудных объяснений подполковника Спицына Катя поняла, что подмосковного водочного короля угрохали самым традиционным способом: киллер дождался, когда его жертва появится из подъезда собственного дома. Сладких не успел дойти до своего джипа, его сразила пуля, меткая и беспощадная.

– Сейчас все на месте узнаем, – мрачно пообещал Спицын. – Соседи из дома напротив вроде слышали выстрел. Там панельная многоэтажка – шесть подъездов.

Труп Катя увидела сразу, едва они въехали во двор дома j 18 по проспекту Текстильщиков. В этой раздольской новостройке, по словам Спицына, Сладких три месяца назад купил три квартиры на одном этаже, сломал перегородки и затеял в просторных апартаментах евро-ремонт. Квартиры имелись у него и в Москве, и где-то за границей, как поговаривали. К тому же новый загородный дом-дача под медной крышей рос-возводился в живописнейшем уголке района в экологически чистой зоне на берегу Клязьмы. И вот все это благосостояние в одночасье лишилось своего хозяина и властелина.

Сладких лежал лицом вниз на асфальтовой дорожке в нескольких метрах от новенького джипа. На затылке справа в темном ежике остриженных по-модному волос Катя увидела багровые сгустки. Пуля поразила бывшего депутата в голову навывлет. Неизвестному киллеру потребовался всего один выстрел, обошлось без контрольного.

Вроде бы все было как обычно, как и на прежних осмотрах места происшествия, а Катя в силу своей профессии повидала их на своем веку, но... Она не задавала лишних вопросов, чувствовала: сейчас всем этим важным деловитым «профи» – следователю прокуратуры, судебному медику, Спицыну и его подчиненным не до нее. Не до пустых разговоров. Как и все, она ожидала самого главного: установят ли место, откуда стреляли? **ОБНАРУЖАТ ЛИ ОРУЖИЕ?** Пока она старалась держаться поближе к оператору – тот трудился как робот, уже предвкушая, что кадры, снятые в Раздольске, уже сегодня днем обойдут все телеканалы.

И вот в самый напряженный момент ожидания ее отвлекло прибытие на место происшествия двух новых действующих лиц.

Это были Никита Колосов и Ренат Халилов. Первый – начальник отдела по раскрытию убийств Главка (хотя он, как было известно Кате, всего неделю назад ушел в отпуск), а второй, Халилов...

Они встретились взглядами, и уже в следующую секунду Катя почувствовала себя несколько дискомфортно: верзила Ренат, не скрывая своей радости, шагнул к ней, обнял за плечи и смачно чмокнул в щеку. Что-что, а обниматься и целоваться над бездыханным телом на глазах у перепуганных понятых и собирающихся во дворе дома зевак Кате казалось как-то уж чересчур. Обыватель скажет: вконец милиция оборзела – им уже и смерть нипочем.

Однако своей радости от встречи с Ренатом она скрыть не могла даже при таких удручающих обстоятельствах. И потом... чего нельзя человеку «при погонах», то доступно человеку... Увы, Ренат уже не принадлежал к кругу ее коллег. Шесть лет назад все было по-другому. Катя Петровская в то время работала следователем в Каменском отделе, а Халилов был там начальником ОУР. Но планы небесные к нему явно не расположились.

Короче говоря, он сел. И по самой крутой статье – за умышленное убийство. Дело было на 9 Мая. Каменский розыск всю неделю работал по усиленному варианту. А после сдачи дежурства сыщики, как водится, отметили Праздник Победы в своем кругу. Возвращаясь домой, а жил он тогда в коммуналке в центре Каменска возле площади Героев Панфиловцев, Ренат

увидел, как возле памятника павшим в боях за освобождение Подмоскovie остановилась иномарка, из нее вывалились трое пьяных и... Как деликатно упоминалось впоследствии в материалах уголовного дела, эти граждане «совершали непристойные действия, грубо нарушая общественный порядок». Проще говоря иномарочники, надувшись пивом, не дотерпели до дома и облегались прямо на газон, окружающий памятник. Халилов начал «пресекать» безобразие. Ну и пресек на свою же голову. Сначала оскорбления, потом драка, трое пьяных на одного... не совсем трезвого начальника розыска, затем... Затем прогремел выстрел. Ренат отлично владел табельным оружием – один из хулиганов получил пулю в грудь и скончался на месте. Остальные бежали, бросив иномарку. Суд посчитал все происшедшее умышленным убийством. Роковую роль в его решении сыграл тот факт, что у Рената оружие было, а у нападавших не было, и то, что он – сотрудник милиции, капитан, должностное лицо – оказался в момент инцидента «в состоянии алкогольного опьянения».

Ему дали семь лет лишения свободы, отбывал он срок в спецколонии для сотрудников правоохранительных органов, где некогда побывал и Юрий Чурбанов. Через пять лет за примерное поведение его выпустили досрочно, и вот теперь...

Катя вспомнила, как они встречали Рената сразу после освобождения в Домодедовском аэропорту: туда приехали почти все «каменцы». Все те, с кем она дружила до сих пор, кто на долгие годы стал для нее своими, тылом, «землей», с которой она и пришла в областной Главк. Им тогда и в голову не приходило, что их отношение к Халилову – человеку уже оттуда, из зоны, отбывшему срок и в одночасье потерявшему все: любимую работу, погоны, весь привычный уклад жизни, – может как-то измениться только потому, что он сел из-за каких-то подонков. Они встретили его тогда так, как встречают близкого человека после долгой разлуки. И по его взволнованному лицу Катя видела, что означает для Халилова подобная встреча.

С тех пор изгоем в привычной среде Ренат себя не чувствовал. В органы, увы, официальная дорожка стала для него заказанной, а неофициальная... В общем-то, было не трудно догадаться, кем он стал. Работал у Колосова на связи, выполняя поручения определенного рода в тех рамках, которые очерчивает для сотрудников-конфидентов «Закон об оперативно-розыскной деятельности». Катя изредка встречала его в Каменске и в других районах. Ренат все время был в каких-то разъездах. «Он опер до мозга костей, Катюша, – как-то сказал про него Кате один мудрый человек. – Разве опером человека форма делает? Это же стиль жизни. Судьба».

Последний раз, помнится, они виделись совсем уж в неожиданном месте – в каменской церкви на прошлую Пасху. Халилов – потомственный татарин крестился в православную веру. Катя не знала, что это случилось сразу же после его «командировки» в Таджикистан. Там, в церкви, впервые рядом с Халиловым Катя увидела и Никиту Колосова.

Маленький серебряный крестик был на Ренате и сейчас, виднелся на могучей груди в разрезе полурасстегнутой по причине жаркого дня рубашки. Катя едва успела опомниться от горячего приветствия, как Халилов заметил (совершенно цинично, как ей в тот миг показалось):

– Хлопнули Игоряшу. Допрыгался живчик наш.

Она насторожилась: что это? Происшествие вроде бы и не явилось новостью для Рената. Не явилось неожиданностью это убийство (судя по его сосредоточенному, однако весьма уверенному виду) и для начальника «убойного» отдела.

Катя молча наблюдала за Колосовым. Тот всецело был поглощен разговорами со следователем прокуратуры и Спицыным. Потом к ним подбежали несколько оперативников, и вся группа быстро направилась в третий подъезд многоэтажки. Неужели что-то нашли? Катя хотела было шмыгнуть следом, но ее удержал поставленный в дверях подъезда патрульный.

Разъяснений ждали долго. Видимо, в доме шел осмотр. Когда Колосов наконец вернулся во двор, по его лицу Катя опять-таки догадалась: начальник отдела убийств увидел на месте, откуда стреляли в Сладких (а это могло быть установленное местонахождение киллера

в момент, когда он брал на мушку бывшего депутата), нечто для себя весьма важное и существенное.

Кате он только молча и сухо кивнул. Но она не обиделась на него за невнимание. Вся обратилась в слух. Однако фраза, брошенная Колосовым Халилову, мало что объясняла.

– ОН, без сомнения, – сказал Колосов. Халилов кивнул. И они поспешили к машине так быстро, словно дальнейший осмотр трупа и места, допросы свидетелей, слышавших выстрел, их более не интересовали.

И тут Катя решилась. Она чувствовала: эти двое знают гораздо больше, чем хотят показать, а потому...

– Ренатик, подожди, пожалуйста. – Она бегом догнала Халилова. Колосов уже сел за руль своей белой «семерки», и вид его был совершенно неприступен. – Ренат, там что... вы нашли оружие, да? Оружие бросили? А вы знаете, кто убийца? Знаете, ну скажи?

Халилов наклонился к ней.

– Он бросил пушку, – шепнул. – Он всегда сразу от них избавлялся, скотина. Но сегодня он так поступил зря, Катюша. Неосмотрительно поступил.

– Какую пушку, Ренат? Там его отпечатки, да? На винтовке? На автомате? На пистолете?

– В том-то все и дело, **какую пушку**, Катюша, – Халилов извиняюще улыбнулся – увы, мол, больше не скажу ничего, не могу, – однако он был добр, как все крупные и сильные мужчины, а поэтому решил утешить Катю, дав ей призрак надежды на успех: – Будешь скоро писать статью о раскрытии этого nepотpeбствa. Помни: все дело **в марке оружия**. Бах-бах, и на этот раз будет мимо – дай нам только срок.

Когда «семерка» уже почти скрылась из виду, до Кати наконец-то дошло, что Ренат намекнул ей на главную улику в этом деле, по которой будет установлен (или уже установлен?) человек, всего два часа назад застреливший другого человека.

Глава 2

ПОБРАТИМ

Насчет того, что убийство Сладких будет раскрыто и не далее как (если повезет) в самые ближайшие сутки, Колосов был готов поспорить с любым скептиком на ящик пива. И дело заключалось совсем не в хвастливой самонадеянности и переоценке собственных способностей. Фокус был в том, что **на этот раз** он и вправду без дураков знал по этому делу ВСЕ, почти полный расклад: то, что убийство заказано михайловской группировкой, то, что бывшего депутата Госдумы застрелили из винтовки «кольт-спортер» с оптическим прицелом, то, что винтовка эта еще накануне вечером «ушла» по неустановленному каналу из подмосковного Пушкина. А самое главное – ему на этот раз было известно имя того, кто всего два часа назад держал эту самую импортную винтовочку в руках, обтянутых перчатками.

В Сладких стреляли через слуховое окно с чердака в третьем подъезде. Это оказалась самая выгодная позиция для снайпера: с чердака просматривался весь путь от подъезда до машины – девять метров асфальтовой дорожки, которую жертва должна была пройти от дверей подъезда до припаркованной машины. Тот, кто поджидал здесь Сладких, видимо, основательно ознакомился с его привычками. Сладких, хоть и заделался в последнее время свободным предпринимателем, собственный трудовой график соблюдал предельно жестко – большую часть дня безвылазно проводил в офисе, под который арендовал особняк в центре Раздольска, прежде принадлежавший горкому комсомола. И лишь в обеденный перерыв, с половины второго до половины третьего, Сладких позволял себе тратить время на личные дела.

Последнюю неделю он заезжал на проспект Текстильщиков, где производил инспектирование бригады, проводившей в его «апартаментах» ремонт. Сегодня, как установили сотрудники милиции из опроса рабочих, все было как обычно: работяги закончили циклевку полов, и Сладких приехал лично принимать работу. Прибыл он без четверти час, двадцать минут находился в квартире, затем отправился обедать. Работяги слышали одиночный выстрел, раздавшийся спустя минут пять после его ухода. «Точно новогодняя хлопушка бухнула, – рассказывали они. – Мы, понятно, к окну, а шеф уже на асфальте ногами дрыгает. Агония у него жуткой была, в муках человек кончался».

Винтовку, из которой был сделан этот прицельный выстрел, сотрудники Раздольского ОВД нашли прямо на месте: на чердаке, аккуратно прислоненную к стене. То, что на самом оружии нет ничего, всем было ясно как день. Тем не менее винтовочку тщательно осмотрели, опылили, запаковали и отправили для дальнейших детальных исследований в экспертно-криминалистический отдел.

Кстати, осмотр чердака потребовал от опергруппы почти титанических усилий – туда было просто не войти, дух захватывало. А все от перца, который был заботливо рассыпан кем-то по всему полу, дабы навсегда отбить охоту у тех, кто будет тут искать следы и улики, применить служебно-розыскную собаку. Уловка для киллеров не новая и почти всегда небезопасная.

Когда Колосов вошел на чердак, ему почудилось, что в рот ему насыпали горячих углей, но он мужественно выдержал пытку, рассматривая «орудие преступления». Сомнений быть не могло: ЭТО ТА САМАЯ ВИНТОВОЧКА. И дело даже заключалось не совсем в ее марке «кольт-спортер». Главное, что ее отличало от других винтовок в мире, – глубокая, примерно двухсантиметровая, царапина – борозда на оптическом прицеле. Та самая особая примета, по которой эту пушку и охарактеризовал для опознания источник информации, сотрудничавший с Ренатом Халиловым.

В этом деле они с Халиловым шли, как говорится, «от пушки». Этот путь, часто весьма малоэффективный при раскрытии заказных убийств, на этот раз сулил серьезную удачу. И это всецело была заслуга Халилова. Работать с ним вообще было для Колосова **легко и приятно**. Бывший опер, отсидевший срок, обладал (причем с лихвой) тремя важными качествами: Ренат не был трусом, не был трепачом и не был дураком. И эти три «не» чрезвычайно импонировали Колосову.

Когда они ехали в Раздольск, после того как стало известно о гибели Сладких, Никита честно размышлял: не ошибся ли он в своих расчетах? Возможно, все-таки у них с Халиловым был шанс предотвратить смерть этого человека?

Но в который уж раз, взвесив все, что ему было известно по этому делу, он приходил к однозначному выводу: нет, Игорю Сладких самой судьбой суждено было стать жертвой Гранта. Возможно, он стал его последней жертвой, самой последней мишенью. И вот именно за это сейчас и стоило побороться всерьез.

О том, что его отпуск прервался столь неожиданно и бесцеремонно, Колосов не успел даже пожалеть: не до того было. Все равно в отпуске делать ему было особенно нечего – ехать некуда, с деньгами, как всегда, напряг. На горизонте маячил только извечный опостылевший уже ремонт машины да изредка краткие посиделки с приятелями – на природе, на шашлычках. Поэтому, когда тринадцатого мая ему домой позвонил Халилов и попросил о немедленной встрече, Колосов весьма спокойно отреагировал на такой оборот дела. Что ж, Ренат никогда не беспокоит по пустякам, значит, игра стоит свеч.

Причиной встречи стала информация, полученная Халиловым от одного из своих собственных источников, о том, что михайловская братва «делает заказ на пушку». В такой информации на первый взгляд не заключалось ничего необычного. Никаких особенных секретов в том, что бандиты время от времени тайно пополняют свой арсенал, не было – на то они и бандиты. Фокус состоял в том, **на какую именно винтовочку** делался заказ: михайловцы отчего-то требовали достать им непременно «кольт-спортер». Это импортная и, по оценке многих, не слишком-то удобная пушка – всей и престижности, что громкая фирма, баснословная цена да неплохая оптика. Однако... Однако ценность информации источника заключалась в том, что из оружия аналогичной марки уже не раз открывали по людям весьма меткую стрельбу. Три «кольт-спортера», пижонски оставленных на местах происшествий, уже фигурировали в трех уголовных делах о заказных убийствах. И самое важное заключалось в том, что по всем этим делам уже имелся реальный подозреваемый, состоявший в федеральном розыске. И этим подозреваемым был не кто иной, как Всеволод Антипов, более знакомый всей братве, а также их заклятым недоброжелателям из серьезных организаций, включая МУР, ГУУР, областной УУР, РУОП и ФСБ, под весьма сентиментальной кличкой Капитан Грант.

То, что Антипов-Грант, в 1996 году освобожденный из мест заключения, где он отбыл пять лет за участие в разбойном нападении на пункт валютного обмена в Люблине, снова вступил на тропу войны, заделавшись платным «устранителем» тех, кто вольно или невольно давил на больные мозоли заинтересованным людям, сыщикам стало известно не сразу.

Честно говоря, вышли на Гранта только после третьего убийства, и то случайно. Как говорится, повезло. Его преступную биографию затем восстанавливали буквально по крупинкам. После освобождения Грант на одном месте не сидел, зря времени не тратил, заколачивал бабки по всей стране. Первый его выстрел прогремел в Мурманске – осенью 96-го он «убрал» на заказ коммерческого директора одного из местных пароходств. Следующими его жертвами оказались уже москвичи: владелец сети круглосуточных супермаркетов и его телохран – их хладнокровно расстреляли, словно мишень в тире. А вот третьей жертвой оказался скромный инвалид второй группы некий Лодырев, проживавший в трехэтажном особняке с лифтом и подземным гаражом в подмосковном Одинцове. Этот имевший восемь судимостей старикан вот уже долгие годы был бессменным держателем общака южноколоменской группировки. Его

заказали какие-то оголтелые «кавказы». И этот заказ привел коломенцев в бешеную ярость. На могиле убиенного инвалида братки поклялись не только посчитаться с заказчиками, но и дознаться о том, кто же нажимал в этом деле на курок, и устроить ему, негодяю, кровавую выволочку. До Гранта ушлые коломенцы в конце концов добрались по своим каналам. Но он в тот год, словно колобок, и от дедушки ушел, и от бабушки смылся. И тогда его просто-напросто сдали. Милиция в этом случае просто получила подарок от братвы: имя Гранта по инициативе мстительных коломенцев в один прекрасный день просто перестало держаться в тайне. О нем заговорили чуть ли не на всех углах. И сыщикам осталось только настроиться на нужную волну, «заглотить» информацию и принять ее к сведению. Однако Антипов-Грант оказался орешком увертливым и крепким. И расколоть, а тем более переварить его оказалось не так просто. То, что он ушел в дальние бега, стало ясно почти сразу. Из предполагаемых мест его пребывания назывались самые различные: от Греции до Швеции, от Тенерифе до Майами. Деньги у него водились, да и сам он был еще молод, легок на подъем и жаден до новизны. Словом, объявленный в федеральный розыск, Грант примерно на год пропал из поля зрения правоохранительных органов, однако работа по выявлению его связей и анализу его преступного поведения не прекращалась.

Так, в привычках Гранта была подмечена весьма существенная деталь: устранять свои жертвы он предпочитал исключительно из винтовок марки «кольт-спортер», всегда бросая их на месте убийства. О причинах, заставлявших Антипова использовать такую дорогую и весьма редкую на рынке отечественного оружейного подполья пушку, сыщики лишь гадали. Возможно, Грант набивал себе цену в глазах заказчика, заставляя его раскошелиться, – ведь все расходы по приобретению оружия для заказного убийства почти всегда несет «заинтересованная» сторона.

Или, возможно, это был некий способ самовыражения. Или же все было гораздо проще: не будучи снайпером-профессионалом, а лишь талантливым любителем, Грант целиком полагался не на свое мастерство, а на «фирменную» марку оружия: авось не подведет в решающий момент.

Информация, полученная Халиловым от своего источника, свидетельствовала о многом: видимо, у михайловской братвы появился заклятый враг, устранение которого, возможно, они поручали именно Антипову. То, что тот, оставив тропические пляжи, каким-то образом вновь просочился в пределы невзлюбившего его отечества, могло означать лишь одно: Грант поиздержался. А сумма, назначенная михайловцами за голову заказного, была, видимо, такой, что перед ней меркли и звериная осторожность киллера, и его прежнее нежелание оказаться в радиусе деятельности как милиции, так и своих мстителей-коломенцев.

Что греха таить: новости Халилова оказались для Колосова неожиданными. Всего ждал, но такого... Времени на размышление особо не оставалось: источник передал, что михайловцам будет продан один-единственный, «завалившийся по причине незначительного брака – царапины на оптике» экземпляр «спортера». Когда и где михайловцы передадут ствол Антипову, если в роли исполнителя подразумевался действительно он, источник, естественно, знать не мог. Не ведал он, увы, и еще одной важной детали: кого именно на этот раз планируют ликвидировать.

За считанные часы Колосов и Халилов перебрали все возможные варианты. То, что выстрел прогремит в ближайшие сутки (после получения оружия Грант – если это был он – не имел привычки оттягивать исполнение заказа, ибо с образом жизни и распорядком своих жертв имел обыкновение знакомиться еще до), и то, что прогремит он именно в Подмоскovie – не вызвало сомнения. Михайловцы блюли свои интересы именно в этом регионе. Но на кого именно они заимели зуб и в каком из сорока районов области намечается разборка, оставалось тайной.

Вопрос о том, возможно ли в принципе предотвратить это преступление, обдумывался Колосовым мучительно и обстоятельно. Он никогда бы не простил себе, что упустил возможный шанс. Единственный теоретически возможный путь «профилактики и предупреждения» заключался в том, чтобы вместе с ОМОНОм нагрянуть прямо ночью в Пушкино и прикрыть к чертовой бабушке всю оружейную лавочку. Но это отдавало грубым полицейским трюком. А результатом бы стал катастрофический провал тщательно законспирированного агента и потеря драгоценного канала информации. В деле же Гранта наступило бы лишь минутное затишье. Михайловцы переадресовали бы свой заказ в иную фирму, достали бы ствол на день-два позже и... Конец был бы тем же самым.

Можно было действовать еще резче и суровее: взять на арапа самих михайловцев, дав понять, что их планы ни для кого не секрет. Но бандитов, а точнее, их лидера Михайлова по кличке Бриллиант Гоша надо было сначала сыскать. А на это ушло бы не меньше недели, а то и двух. К тому же с ними должен был состояться предметный разговор, а он не получился бы без упоминания конкретных имен. Увы, именно в имени будущей жертвы и заключалась вся загвоздка.

Колосов ненавидел поговорку: «кого заказали – тот жмурик», но, видимо, на этот раз эта сволочная присказка являлась чистой правдой. Оставалось лишь созерцать карту Подмосковья да напряженно ждать, из какого же района поступит сообщение об очередном ЧП.

И вот сообщение пришло из Раздольска. Чем Сладких не потрафил михайловской мафии, догадаться было не сложно: видимо, Бриллиант Гоша запоздало решил по квитаться с ним за павших соратников по бандитизму. Странное дело, в глубине души Колосов испытал какое-то непонятное чувство, когда узнал, что застрелили именно этого типа. Облегчение, что ли? Ибо Игоряша Сладких, и это тоже не являлось ни для кого секретом в области, считался самой отъявленной мразью. То, что он некогда служил в одном элитном подразделении и даже, по его хвастливым словам, «брал штурмом дворец Амина в Кабуле», было отнюдь не героической страницей в его биографии, ибо из подразделения его в скором времени вышибли за трусость и предательство служебных интересов.

Во время перестройки Сладких ударился в коммерцию и начал жадно копить деньги. Долго ли коротко копил, однако, когда пришло время «идти во власть», они ему очень дажегодились. Во время выборов в Госдуму, выдвигая свою кандидатуру в депутаты, он пообещал ни много ни мало «залить даровой водкой весь округ, если мужики выберут своего земляка». Его сначала выбрали, потом махнули на него рукой, а потом... Одно время в нем видели даже второго Скорочкина, но того вскоре убили. Игорь же Сладких продолжал жить и богатеть. Нагнать, стяжать непомерные средства, презирать всех и вся, кое-кому угрожать, кое на кого давить, кое перед кем вилить задом, кое у кого тайно скупать по дешевке, перепродавать, играть на бирже, разорять, делать деньги из денег, из водки, из разбавленного азербайджанского спирта, из денатурата и олифы, из других, уж совершенно негодных для внутреннего употребления вещей. Но вот и его не стало благодаря меткому выстрелу другого подонка Антипова-Гранта. Круг вроде бы сам собой замкнулся. Почти...

То, что на этот раз Грант не уйдет, и это дело, а также другие совершенные им преступления будут раскрыты, Колосов не сомневался и еще по одной причине. А именно: в следственном изоляторе вот уже третьи сутки сидел некто Антон Карпов, задержанный во время оперативно-профилактического мероприятия «Допинг» в одном из мытищинских наркопритонов. Карпова, больше известного в определенных кругах под кличкой Акула, взяли в состоянии полной невменяемости, когда он отрывался от души. Видимо, он переборщил с дозой, потому что поначалу для него пришлось вызвать даже «Скорую».

За плечами Акулы имелись уже три длительные «ходки» и все по одной и той же статье – бывшей 144-й – кражи, кражи, кражи. А в карманах его красного, изгаженного рвотой –

результат передозировки – пиджака при обыске обнаружили три пакетика с героином: перед полной отключкой Акула имел обыкновение запастись «лекарством» впрок.

Героин и стал формальным поводом к задержанию Карпова. Настоящий повод знал, как ему казалось, молоденький следователь Мытищинского ОВД: по району прокатилась серия квартирных краж, и теперь к ним упорно примеряли этого вора со стажем.

Однако истинной причиной задержания Акулы, и это тщательно скрывалось даже от местных сотрудников милиции, было то, что вор-наркоман являлся не кем иным, как **кровным побратимом** Антипова.

Они отбывали срок в одной колонии под Иркутском. И там, в зоне, Антипов якобы спас Акуле жизнь во время одного непредвиденного инцидента. Впоследствии администрации колонии через своих доверенных лиц стало известно, что они побратались – смешали кровь из порезанных ладоней и поклялись стоять друг за друга верой и правдой до тех пор, пока их не разлучит смерть. Этот экстравагантный способ установления близких и доверительных отношений стал моден и популярен в последнее время. И братались меж собой не одни лишь урки, но и люди более солидные и респектабельные: важные персоны со своими телохранителями, партийные функционеры, предприниматели с ярко выраженными гомосексуальными наклонностями, звезды эстрады со своими доверенными лицами и прочие господа, которые в силу накопленного лихого опыта уже не доверяли обычному мужскому честному слову, а требовали клятв, сопровождавшихся мистическими жестами.

Покидая Раздольск, Колосов связался с начальством по рации, обрисовал ситуацию и получил «добро» на немедленную отработку Карпова. Детали же этой отработки Колосов никому, даже начальству, открывать не собирался.

По имеющейся у него информации, он знал: побратимы неоднократно встречались уже после освобождения. Если Грант и не посвящал Карпова во все свои дела и проблемы, то все равно его побратиму лучше, чем многим, должен был быть знаком образ его жизни. Никита был уверен: если кто и может ответить на вопрос, где следует искать Гранта в первые после убийства сутки, то сделать это вразумительно способен лишь его акулий единокровник.

К тому, чтобы вынудить Карпова дать нужные сведения, подготовились заранее: уже целые сутки Акула находился в состоянии жестокой ломки. А к нему в камеру, как на грех, подсадили еще тепленьких, грезящих наркоманов, взятых во время следующего этапа операции «Допинг». Акула исходил завистью и вожделением, смотря, как те пускали эйфорические слюни, умолял пересадить его в другую камеру, грозился объявить мокрую голодовку, но...

В следственном изоляторе дежурили двое сыщиков из колосовского отдела. Время от времени они посматривали на Акулу в «глазок» камеры и ждали сигнала шефа. Когда Колосов позвонил им, они активно включились в операцию.

Работать с Акулой решили на свежем воздухе без лишних глаз и ушей. Ему объявили, что везут его в отдел милиции для выполнения очередных следственных действий, полагающихся по статье за хранение наркотиков. Однако на Ярославском шоссе «уазик», где находились сотрудники розыска и скованный наручниками Карпов, нагнала белая «семерка» начальника отдела убийств.

Колосов и Халилов вышли и направились к «уазику». Едва лишь Халилов увидел бледное, покрытое крупными каплями пота лицо Акулы, его дрожащие руки, ту странную расслабленную вялость членов, которая выдает конченого наркоголика с головой, он шепнул Никите: – Оловянные глаза, Крестный. С таким надо просто, без церемоний.

«Без церемоний» означало одно: прямо предложить Акуле вожделенный наркотик за информацию об Антипове. Колосов тяжело вздохнул: нарушение закона. Грубейшее, чреватое многими последствиями. Он знал некоторых своих коллег, которые с треском вылетали из органов за подобные «художества». Более того, в душе сам Колосов ненавидел подобные «методы работы», считая их грязными, недостойными своей профессии. Умнее, законнее и в

тысячу раз престижнее для собственного профессионализма было бы сплести какую-нибудь оперативную комбинацию, заставив Акулу проболтаться. Но, увы, ни на работу с ним в камере, ни на прослушивание, ни на подключение к операции опытного агента уже не хватало времени. Все эти хитрые интриги и подкопы под побратимскую верность потребовали бы месяца напряженной работы. Искать же Гранта надо было сегодня, сейчас. Что-то говорило Колосову: если этот киллер и уязвим, то только в первые часы после выполнения заказа, когда он считает, что первоклассно справился с задачей и теперь находится в полной безопасности, спрятавшись в тайном, заранее приготовленном на случай отхода логове. И ради того, чтобы немедленно установить место этого тайного схрона, Колосов, как ему ни было противно, готов был поступить даже очень для себя важным. Корчившийся в ломке вор являлся сейчас лишь подручным средством для того, чтобы достичь этой заветной цели любой ценой.

С начальником отдела убийств Акула уже прежде встречался, а вот на Халилова смотрел настороженно и вопрошающе. А тот созерцал Акулу почти сочувственно.

– Сердечко пошаливает, Антоша? – поинтересовался он мягко.

Карпов опустил глаза. Видимо, он лихорадочно соображал, зачем это его завезли в это тихое местечко – обочина шоссе, овражек, кустики. Кем-кем, а наивным дурачком он не был.

– Я тебе задал вопрос о здоровье, – напомнил Халилов.

– Ты сам, что ли, не видишь? Не видишь, да?! И сдохнуть и жить мне не даете, – голос Карпова дрогнул.

– Плохое самочувствие легко поправить, – подал реплику Колосов. Ему все это напоминало игру в пинг-понг. И мячиком, по которому ударяли их ракетки, был Акула. Вор впился в него взглядом. О, умный Карпов тут же догадался, **что именно** предложат сейчас ему эти двое. Только еще не догадывался, о чем начнется у них торг.

– Если не желаешь – скажи прямо, разговора не будет, – Халилов усмехнулся. – И... **ничего не будет.** Так что решай сам, Антоша.

Акула сглотнул.

– Я... я подышаю, в натуре, ну будьте же людьми... Не дразните... Суками не будьте... Я не могу. Мне плохо. Плохо мне!

– Решать тебе, – Халилов пожал плечами. Потом посмотрел на Колосова. А тому вспомнился их недавний разговор в машине. «По мне, так пусть все они на иглу сядут, Крестный, вся эта воровская мразь, – жестко заметил Ренат. – Нам же проще работать с таким контингентом станет. Вот и проверим сейчас, что Акуле дороже: шприц ли с начинкой, или голова его кровного брата, которому он в верности клялся». – «Получается, что мы с тобой в роли экспериментаторов вроде. Замер шкалы грехопадения, что ли? – ответил Колосов. – А ведь такие вроде больными считаются. Говорят, болезнь у них неизлечимая. Вот был бы у Карпова рак, мы ж не стали бы с ним так, а тут...» – «У него не рак, Крестный, – парировал Халилов, – и хватит тебе самоедством заниматься. Можешь не участвовать, я сам все сделаю. На кого, на кого, а на этого ворюгу мне вообще плевать. Нам с тобой не он нужен, а сам знаешь кто».

– Ну же, Антоша, – подстегнул Халилов, – решайся скорее, время бежит.

– А... а у вас **это** с собой? – Голос Карпова пресекался.

– Вот оно. – Акула увидел на уровне своих глаз пузыречек с мутноватой жидкостью на ладони своего искусителя.

– Обманешь, сволочь. Дистиллировка небось, а? – Но он уже не мог глаз отвести от пузырька как зачарованный.

Колосову было больно и жалко смотреть на этого в общем-то недурного собой брюнета с резкими мужественными чертами лица. Ничего мужик, хоть и вор. По виду фартовый, женщинам такие должны нравиться. Однако сейчас в лице Акулы уже не было ничего человеческого: голое вожделение, алчная страсть и собачья мольба во взгляде.

– Это не дистиллировка, Антоша, – голос Халилова звучал спокойно, а движения – он полез во внутренний карман куртки и достал одноразовый шприц в пакетике – ленивыми и размеренными.

Акула со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и спрятал лицо в скованные наручниками руки.

– Суки, – всхлипнул он. – Суки вы все.

– Разговор будет? Да или нет?

– Ну да, да, да!

– Вот и чудненько. Сам справишься или помочь?

– Сам! – Карпов с силой выбросил вперед скованные кулаки. – Сними, сними это скорее! – Раз увидев вожака «лекарство», он уже был не в силах сдерживаться.

Один из сотрудников розыска, самый молодой из колосовских подчиненных, молча расстегнул наручники. Потом отвернулся. Колосов видел, насколько не по душе парню вся эта сволочная сцена. Эх!

Халилов священнодействовал: проколол иглой резиновую пробочку, набрал жидкость в шприц и...

– Ну? – Акула уже судорожно рвал с плеч пиджак, задирает рукав щегольской водолазки из ангорки. – Ну же!

– Когда ты встречался с Грантом? – тихо спросил Колосов.

Акула замер.

– Он мне как брат, – шепнул он, – что ж вы делаете? Будьте же людьми.

– Мы люди, Антоша, – ответил Халилов. – Это ты у нас марсианин с заскоками. Впрочем, хозяин – барин. – И он сделал вид, что спускает жидкость в пузырек.

– Я давно с ним встречался. Он мне сам стрелку забил. В баре на Белорусском вокзале!

– Правда?

– Клянусь! Я про него ничего не знаю. Он всегда один работает, он...

– А зачем он тебя хотел видеть?

– Ну... у него проблемы начались. Он искал ходы уладить. Считал меня полезным.

– Ты помогал ему улаживать конфликт с коломенцами?

– Нет. У меня таких выходов нет. Не та фигура. Он...

– Думаю, то, что твой названный братец вернулся, для тебя уже не секрет, – перебил его Колосов.

Акула умолк. На скулах его ходили желваки.

– Мне передали ребята, – пробормотал он наконец. – Но чем хотите клянусь – мы не встречались.

– Верю, – хмыкнул Халилов. – Братец твой замочил очередного клиента. Работа для него прежде всего, прежде родственных визитов. Так вот. Сейчас ты скажешь нам честно и откровенно, Антоша, где нам искать Гранта, а?

Вор дернулся, словно его ужалила оса.

– Да откуда ж я знаю? Что вы мне жилы тянете? Я ж сказал: мы не встречались!

– Ну, а мозги-то на что у тебя, Акула? – Халилов подбросил на руке шприц и пузырек. – Братец твой – человек консервативный, привычки свои не меняет. Ну? Ты вот говоришь, он всегда один работает... А что конкретно он делает сразу после выполнения заказа? Как обычно уходит? У него машина? Какой марки? Где он ее оставляет? Ведь он, как пушечки свои, небось тачки не меняет, так ведь, Акула?

Карпов упорно молчал, пот лил с него градом.

– Он никогда не берет тачку на дело, – выдавил он наконец.

– Не берет? А как же уходит? Пехом, что ли?

– Он, – Акула теперь неотрывно глядел на шприц, – он говорил мне как-то: главное – простота. И никакого пижонства.

– Ну? И что это значит?

– Перед тем как выполнить заказ, он... он место изучает. Транспорт, какие маршруты, куда... За основу отхода берет ближайшую к месту остановку – не важно чего: автобуса, трамвая, метро, электрички. После всего, – тут Акула чуть запнулся, – он просто выходит один, чистый, без ствола, и идет на остановку. Садится и едет. Он меня учил: тачки шмонают нещадно – можно нарваться. А общественный транспорт – никогда.

– А куда он едет, куда глаза глядят, что ли?

– Обычно дня за два, иногда за неделю он снимает на маршруте хату – квартиру, дом. Сел, к примеру, в автобус, проехал несколько остановок, вылез, отсиделся – когда сутки, когда больше, а затем скинулся на другой адрес – их у него обычно несколько в запасе. – Закончив свою речь, Акула выдохнул. Теперь он напоминал мяч, из которого выкачали воздух.

Халилов снова как-то двусмысленно хмыкнул, помедлил, а потом протянул Акуле шприц. Тот судорожно впорол иглу себе в предплечье, потом в изнеможении откинулся на сиденье. Постепенно дыхание его выровнялось.

– Суки вы все-таки, – прошептал он устало, – ненавижу вас.

Колосов коротко пошептался со своими подчиненными, дал кое-какие указания, и «уазик» с Акулой тронулся прочь.

– Через семь минут он уснет, – Халилов посмотрел на часы. – Что, Крестный? Дешево и сердито, и полная иллюзия поначалу... Он даже не успеет понять, что с ним.

Акула вместо порции экстракционного опия получил раствор димедрола и реладорма. Подобному фокусу с подменой Халилов научился в колонии для бывших сотрудников правоохранительных органов – там многие делятся друг с другом полезным опытом. Это был один из проверенных способов обмана буйствующих в ломке наркоманов. Доза снотворного была такой, что свалила бы с ног и быка.

От всего случившегося в душе начальника отдела убийств остался муторный осадок, но цели своей эта оперативная подлянка все же достигла: Акула сдал информацию о своем побратиме. И в какой-то степени информации этой цены не было. Пока Колосов связывался по радиотелефону с Главком, Раздольским отделом, постами ГАИ на Раздольском шоссе, Халилов внимательно и детально изучал карманный атлас Московской области, рассматривая крупномасштабную карту Раздольского района.

– Через проспект Текстильщиков проходит один автобусный маршрут – одиннадцатый номер. Остановки есть и в ту и в другую сторону. Одна прямо на углу дома, вторая... вторая метрах в двухстах от магазина «Продукты». Если Грант придерживался своих привычек, то... он мог двинуть на этом автобусе в сторону... так... Что там у нас по маршруту? Дом культуры, школа, больница, завод электроприборов, Загорная улица, далее рабочий поселок Мебельный, далее...

– Потом идут только дачные кооперативы. Клязьма, – Колосов не смотрел на карту – и так знал. – А если назад по маршруту одиннадцатого, то будет только военный госпиталь и станция – конечная. Если он не уехал на станцию и не сел в первую же электричку, то...

– Он мог вообще-то и в самом городе хату снять, хотя на природе, на свободе, – Халилов перелистал атлас, – на природе сейчас тишь да безлюдье, не сезон еще, дачников почти нет, детки в школе... А знаешь, Никита, этот занюханный долбак мог нам и просто лапшу на уши повесить...

– Все равно ничего не остается, как искать его, Ренат. – Колосов вновь связался с Раздольском. – Маршрут одиннадцатого – все же какая-то система. Какое-то спасение от хаоса.

И Гранта искали. Поисковая операция эта стала, наверное, одной из самых масштабных за последние месяцы. Прочесывали квадрат за квадратом, весь маршрут: город, пригороды,

поселок за поселком, деревеньку за деревенькой. В разъездах и поисках незаметно минула ночь.

На востоке забрезжила узкая светлая полоска, но стена леса по обеим сторонам шоссе все еще казалась монолитом черной непреодолимой стены.

– Места здесь славные, Крестный, – Халилов сладко потянулся на сиденье, аж кости захрустели, – та-ак, что у нас опять по курсу? Половцево, а за ним Уваровка. Дачи, дачи, дачи до самой реки. И... конечная одиннадцатого маршрута.

– Дачный кооператив Союза кинематографистов, дачи бывшего Госплана, и дачи Комитета по природопользованию, – Колосов перечислял наизусть – благо выезжал он в эти «славные» места на разные ЧП вот уже добрый десяток лет.

– С чего начнем?

– С того, что прямо перед нами, – Никита кивнул на белеющий в утренней мгле дорожный указатель с синей надписью «Половцево».

Впоследствии он был уверен на все сто: сюда их с Халиловым привело не только оперативное везение, но и сама судьба.

Метров через триста после указателя они свернули с шоссе на узкую бетонку и затормозили у полосатого шлагбаума, преграждающего въезд в дачный поселок. Рядом со шлагбаумом выросла в землю потемневшая от дождей бытовка, огороженная металлической сеткой, – обиталище местного сторожа. Сразу громко и злобно залаяла собака.

Сторож – хромой ханыга, поднятый с постели, долго не мог понять, чего от него хотят двое этих крепких качков. Тупо созерцал фото Антипова. Его явно слепил свет карманного фонарика, включенного Халиловым.

– Лампочку-то Ильича свою притуши, – буркнул он. – Ну? Чегой-то натворил этот?

– Вы его видели? – Колосов быстро отвел фонарик.

– Ну жисть, ну власть пошла – серед ночи народ булгачат, – сторож сладко зевнул. – Видел, ну. А то! У прозоровской старухи дачу он снял. Неделю назад ай меньше – приехал уж с ключами. Просил АГВ проверить.

– Что за старуха? – спросил Колосов.

– Вдова, профессорша. Прозорова Долорес... Долорес... Ромуальдовна – и не выговоришь... Ей лет восемьдесят уж, она сюды и не ездит. А дачу завсегда сдает. И в прошлый год жильцы жили, и сейчас энтот вот приехал. Пенсия у нее – коту на молоко не хватит, родственники за бугор подались, вот она и химичит с дачей-то... Дом-то дай бог всякому, и участок, и мебели...

– Сегодня этот человек сюда приезжал? – перебил сторожа Колосов.

– А я почем знаю? Машина вроде никакая не проезжала. Свет вроде на их даче тоже не горел. Эвон улица-то, пятый дом от конца, там еще терраса такая пузырем, круглая.

Сторож смотрел им вслед: машину эти двое странных мужиков оставили прямо возле его будки, а сами чуть ли не бегом подались к указанному дому. Он почесал под мышкой, прикрикнул на собаку и поплелся в будку – досыпать.

Глава 3

ОПОЗДАЛИ!

Дом, окруженный невысоким забором, словно частоколом, огороженный старыми елями, затенявшими запущенный обширный участок, казался на первый взгляд тихим, темным и необитаемым.

На окнах плотно задвинуты шторы. Клетчатый витраж выпуклой, в форме фонаря, террасы закрыт изнутри соломенными циновками, служащими самодельными ставнями. Однако кто-то в этом доме все же находился. Приблизившись к калитке, Колосов и Халилов сразу же увидели в глубине участка возле сарая синюю «девятку». Калитка оказалась не заперта. Они осторожно миновали лужайку, густо заросшую осокой и одуванчиками. Легкий кивок, обмен взглядами – и Халилов, бесшумно ступая по траве, начал обходить дом со стороны сарая. Колосов же напрямик направился к входной двери.

В принципе все это было против правил – такое вот авантюрное задержание. Грант был явно не тот человек, который при окрике «Бросай оружие, гад!» беспрекословно подчиняется приказу. Следовало, конечно, поступить более осмотрительно: связаться со штабом оперативно-следственной группы, вызвать подкрепление, установить за домом наблюдение. И только в случае, если бы преступник задумал дать деру на заранее оставленной среди дачного парка тачке, стоило становиться в классическую стойку для стрельбы и командовать: «Хенде хох!» Ничего глупее в такой ситуации Колосов и придумать-то не мог.

Однако то, что они затеяли с Халиловым, тоже отдавало глупейшей авантюрой и самоуправством. Но... каким-то внутренним чувством Никита осознал: нечего тянуть резину с этим ублюдком. Надо брать его, и немедленно, не дожидаясь главковских качков из спецназа. Колосов знал за собой один тяжкий грех: профессиональное тщеславие и самонадеянность. Ему было отнюдь не все равно, кому достанутся лавры от такого красивого задержания. Грант был достойным противником, и победой над ним впоследствии можно было бы скромненько гордиться хоть до самой пенсии.

Дверь на террасу отчего-то тоже оказалась незапертой. А в доме стояла могильная тишина... Колосов замер на пороге. Это что еще за фокусы? Тачка его здесь. По фотороботу эта морда сторожем опознана. Но эта гостеприимно открытая дверь... словно бы приглашает он кого-то или, терпеливо затаившись в темноте, выжидает: добро пожаловать, гость незваный, мент самонадеянный. Заползай, хоронясь по стеночке, доставай свою пушечку – тут мы тебя и замочим, мозги по штукатурке размажем...

Колосов тихонько двинулся вперед: темная терраса, направо – дверь в комнату. Впереди – винтовая лестница на второй этаж. Белое пятно холодильника в углу. Утробное урчание, стук. Ч-черт! Это холодильник включился. Значит, в доме и правда кто-то есть, вернее, был, включил электричество, АГВ... И Колосов уже прикидывал, как бы половчее пересечь открытое место от дверного косяка до угла террасы (если эта тварь затаилась на втором этаже на лестнице, он невольно бы подставлялся под выстрел), как вдруг...

– Крестный, скорее сюда!

На крыльце появился Халилов. Он стоял в дверном проеме – четкий силуэт на фоне белесой утренней мглы, окутывавшей участок. Стоял так открыто и по-дурацки вызывающе, словно ему и в голову не приходило, что в любую минуту из этого мертвого заброшенного дома может грянуть выстрел.

– ОН за домом. Я на него наткнулся, споткнулся прямо, ей-богу, он... Мы опоздали, Крестный, – Халилов дышал так, словно пробежал стометровку.

Спустя два часа, когда на дачном участке уже работала оперативная группа, когда следователь прокуратуры, криминалист и судебный медик, ползая буквально на карачках по траве, сантиметр за сантиметром осматривали место этого **нового происшествия**, Никита Колосов сидел на полусгнившей дачной скамеечке, низкой и неудобной, облокотясь на столь же низкий и неудобный садовый столик с потрескавшейся столешницей, и, щурясь, смотрел на солнце. Оно казалось красноватым – точно на закате, а ведь было всего-навсего семь тридцать утра. Никите отчего-то представлялось, что он видит Марс – Красную планету. И видение это не предвещало ничего доброго.

– Странно все это как-то, Никита Михайлович, – тяжело ступая, подошел Касьянов – старший следователь областной прокуратуры, дежуривший всю эту неделю по области. Усталый. Длинное лицо – серое, помятое. Под глазами – мешки, вид сильно пьющего человека. Но Никите было отлично известно: Касьянов Толик и в рот не берет: язвенник-трезвенник, аккуратист и ужасный крючкотвор, но свое дело знает крепко. А его испитая внешность – одна только обманчивая видимость. – Вы его во сколько обнаружили? – Касьянов хмурился.

– Без четверти пять ровно, – Колосов отвечал через силу: великие пираты, это ж надо такое задержание ушло! Такого фигуранта из-под носа увели-угробили! (Он все еще никак не мог прийти в себя от досады и злости.)

– Семен Палыч, судмедэксперт, предполагает, что смерть наступила между половиной третьего и тремя часами ночи. В час Быка, в общем. – Касьянов пошуршал листами в своей следственной папке. – Палыч что-то с пятнами крови там колдует. Настороженный весь какой-то, заинтригованный, но пока выводами не делится... Мда-а, ну, а ты что скажешь?

Колосов молчал.

– У него вроде шея сломана. И горло, мда-а... Ты видел что-нибудь подобное прежде? Черт-те что.

Колосов машинально кивнул. Переливать из пустого в порожнее ему сейчас не хотелось. Этот труп он видел раньше Касьянова, раньше всех остальных коллег. И вот это самое изумленное «черт-те что» тоже уже слышал от Рената Халилова.

Когда они обогнули дом, Халилов, в руке у него был теперь вместо пистолета карманный фонарик, посветил в траву. У поленницы возле самого забора Колосов увидел торчащие из лопухов ноги в голубых джинсах. Пятно света сдвинулось вправо, и они увидели лицо того, кто был им так хорошо знаком по фотороботам и снимкам из спецальбома. Безжизненное мертвое лицо. Открытые глаза, кончик прикушенного языка между посинелых губ и...

– Мать честная, кровящи-то! – не удержался Халилов. – Что ж тут было, Никит, а?

Антипов-Грант лежал на спине. Голова его была самым неестественным образом свернута набок, словно, вопреки всем законам природы, он в такой неудобной позе стремился изогнуться на сто восемьдесят градусов. Однако в первое мгновение внимание Колосова привлекла не эта причудливая поза трупа, а внушительная рана на горле. Настоящая дыра с рваными краями. Трава под трупом совершенно почернела от крови. Множественные пятна и брызги Колосов заметил и на ветках жасмина, росшего под окнами, и на дровах. Даже на заборе примерно в метре от земли имелись обильные кровавые потеки.

Луч фонарика сдвинулся вбок, и в траве что-то тускло блеснуло. Колосов наклонился: возле правой руки Гранта, грязной от земли, с застрявшими между пальцами сосновыми иглами – видимо, в агонии он царапал землю – лежал пистолет «ТТ». Колосов достал из кармана носовой платок, осторожно взял им оружие. Осмотрел. Выходит, что-то напугало или насторожило Антипова, и он решил защищаться. Но вот странное дело – не успел даже выстрелить. Его кто-то опередил. Колосов вернул пистолет на место.

– Может, это и не его пушка, конечно, да вряд ли, – Халилов чуть отступил, продолжая светить. – Чем это его так звезданули?

– На пистолете отпечатки Антипова. Только что по детектору «Поиск» проверили, – сухо сообщил Касьянов, прервав цепь колосовских воспоминаний. – Это его пистолет. Без номера, исправный, бывший в употреблении. Да, но на этот раз пустить в ход он оружие не успел. Это с его-то хваленной реакцией! А ему сломали шею... Заметь, не выстрелили, не шандарахнули свинчаткой, не пырнули ножом, а... ч-черт, фактически ведь руками с ним справились, а затем уже... Эта рана на горле... Опять же это не порез, а **разрыв**. Семен Палыч сказал без тени сомнения: разрыв тканей, мышц, трахеи, гортани... Нет, ты встречал что-нибудь подобное в своей практике прежде, Никита?

Касьянов назвал его по имени как друга и соратника. Теперь не ответить было бы просто невежливо.

– Ничего похожего прежде я не видел. Но это ничего не значит. Сейчас можно много чего новенького узреть, только успевай. Одни оригиналы кругом. Душегубы-оригиналы.

– Надо бы планчик предварительный набросать, – Касьянов снова деловито пошуршал бумагами в папке. – Оперативка, чтоб ее... Шефы и твой, и мой, сам знаешь, как на все это отреагируют.

Колосов и без этого умника от юстиции преотлично знал, как на все это отреагирует начальство. Известно, по головке не погладят. Заказное убийство Сладких теперь дохлый висяк. Мало ли что Грант основательно в нем подозревался! С киллера теперь все взятки гладки. Умолк навеки, подбросив тем самым новый ребус для и без того перегруженных оперативных мозгов. «Планчик ему набросать», – Никита покосился на собеседника. Что ж, давай, прокуратура, пиши. И так уж все обсуждено-переговорено за эти два часа: кто мог прикончить Антипова, за что, почему... Версий с ходу накидали – хоть отбавляй. Расхожие они все и лежат подозрительно близко к поверхности.

Версия первая.

Если Грант действительно выполнял заказ михайловской группировки по устранению Сладких, то... То скорей всего гонорар свой получал за работу частями. Все сразу михайловцы нипочем бы ему не заплатили – Бриллиант Гоша, михайловский некоронованный лидер, славится феноменальной жадностью, за копейку удавится, а тут на десятки тысяч «зеленых» счет шел. Значит, сегодня днем или вечером (Грант с такими делами никогда не тянул) он должен был получить с бандитов остаток гонорара и... Бриллиант Гоша меньше всего на свете любит раскошеляться, так что...

Версия вторая и весьма краткая.

Антипова снова выследили и прикончили коломенские братки. Убийство Лодырева они ему не простили. И скрывался-то он за бугром больше от них, чем от милиции, так что...

– Почва какая-то тоже чертова, ничего понять нельзя, – до Колосова донеслось ворчание Касьянова. – Ни следов толком, ни отпечатков обуви... И все же, мне кажется, тут группа орудовала. В одиночку с таким бугаем справиться, это какую же силу надо иметь! Весна еще эта тоже, трава-мурава, как бобрик-коротышка, тоже следов не сохраняет. Одна кровяшка...

Увы, но до сих пор они так и не могли определить, сколько человек принимало участие в убийстве. Один? Группа? Следов транспорта на дороге возле калитки не зафиксировано. Асфальтовое покрытие – сухое, как прах. Вот и гадай – чи была тачка, чи нэ была... Впрочем, если это работа михайловцев или коломенцев, то приперлись бы они сюда по-пизонски на «Мерседесах». Пешком-то такие ходить давно разучились. Правда, сам Грант, когда требовалось, ходил скромненько пешком и на автобусах ездил... Можно, конечно, предположить, что для его устранения тоже кого-то наняли и этот оригинал-душегуб Гранта переиграл, а возможно...

– Я думаю, надо сегодня же послать сотрудников проверить и этот местный цыганский табор, – Касьянов знай гнул свою линию. – Чем черт не шутит, возможно, это и цыгане?

Колосов прикинул: нечистого прокуратура помянула, наверное, уже в сотый раз. И охота людям накликать? Цыгане еще тоже... Что ж, все знают: в трех километрах отсюда, в районе Мебельного поселка, раскинулась так называемая Цыганская слобода. Местная администрация землю под строительство выделила, и там сейчас братья-ромалы хибарки свои трехэтажные с подземными гаражами возводят. Никите уже приходилось бывать в том месте, правда, не по столь крутым делам, как заказное убийство. Что ж, теоретически, конечно, и цыгане могли ко всему этому руку приложить. С них, как заметил начальник Раздольского ОВД, **вообще** **станется**.

Однако как-то все это чересчур – сломанная шея, порванное горло... «Чем его звезданули?» – вспомнился вопрос Халилова. И правда, чем? Орудие преступления на месте не найдено. Результаты судебно-медицинской экспертизы, если повезет, прояснят картину, а пока...

– Семен Павлович вас зовет, – к ним подошел эксперт-криминалист, только что закончивший панорамную съемку места происшествия.

Труп Антипова, уже осмотренный и сфотографированный, теперь лежал на брезентовых носилках у стены дома (ждали из района «групповозку»). Над лужей крови в траве выписывали восьмерки мясные мухи, гудящие точно «Боинги».

– Я вот на что хотел бы обратить ваше внимание, коллеги, – судмедэксперт – крошечный, седенький, настоящий гном (однако за глаза все в Главке и по всей области звали его, точно грозного Берию, просто Палыч) – быстро стряхнул травинки, прилипшие к рабочему комбинезону. – На расположение следов крови. Гольцов все запечатлел, так сказать, пленку только надо другую, учтите, Анатолий Павлович, – обратился он к Касьянову. – Импортная подведет, не доверяйте иностранщине... Но я отвлекся в сторону. Итак, взгляните, – судмедэксперт указал на поленницу и на доски забора. – Механизм всей этой алой палитры весьма, на мой взгляд, необычен.

– В чем дело? – Касьянов насторожился.

– Видите ли, я все больше склоняюсь к мысли, что эти потеки, точнее, это даже не потеки, потому что кровь сюда **натечь** никак не могла, имеют так сказать искусственное происхождение.

Колосов тоже прислушался повнимательнее: Палыч имел скверную привычку весьма витиевато излагать свои выводы, однако еще не было случая, чтобы они оказались ошибочными.

– Механизм причинения смерти, на мой взгляд, был следующим: на потерпевшего неожиданно напали сзади. Смерть его была почти мгновенной, причиной стал перелом шейных позвонков. Рана на горле имеет уже посмертное происхождение. Вот эти следы, – тут эксперт указал на капли крови на нижних ветвях жасмина, – вполне могли образоваться в момент нанесения потерпевшему раны в горло. Кровь сфонтанировала. Но вот эти на заборе и эти на поленнице появились уже после.

– Как это после? – Касьянов вздохнул устало: говорливый старикан что-то мудрит.

– Они слишком удалены от трупа, и форма их совершенно не характерна для спонтанных брызг. Они обильны. Однако это не мазки. Нельзя предположить, что убийца таким способом пытался обтереть о забор и дрова перепачканные в крови руки. По виду эти следы напоминают потеки – кровь стекала сверху вниз, однако они расположены слишком низко для того, чтобы...

– Семен Павлович, я что-то не врубаюсь, – честно признался Никита, – все никак не дойдет.

Судмедэксперт опустил на корточки.

– Тот, кто расправился с Антиповым столь необычным способом, коллеги, и дальше вел себя не совсем адекватно. – Очки Палыча остро блеснули на солнце. – Возможно, все происходило так: некто сидел вот тут возле трупа, зачерпывал кровь, вытекающую из раны, пригоршней и...

Колосов переглянулся со следователем.

– Вы нам байку про вампира никак желаете рассказать, Семен Павлович? – устало усмехнулся тот.

– Я не утверждаю, что кто-то употреблял внутрь, пил кровь, вытекшую из раны на горле потерпевшего, – невозмутимо парировал эксперт. – Я всего лишь делаю предположение о весьма необычных манипуляциях с нею: некто, возможно, сидел над трупом либо, вот как я сейчас, на корточках, либо опускался на четвереньки и, зачерпывая ладонью кровь, намеренно, я повторяю, намеренно выплескивал ее сюда, сюда и вот сюда.

– Зачем? – искренне удивился Колосов.

– Вы это у меня спрашиваете? – Бровки Палыча поползли вверх. – Словом, все это мои предположения, возможно, я и ошибаюсь.

«Черта с два ты ошибаешься», – Колосову внезапно стало жарко. Солнце начинало заметно припекать. Середина мая выдалась необычно теплой. Многие сулили холода: дуб еще не распускался, черемуха только-только отцвела. Однако начальник отдела убийств в народные приметы, как и во всякую мистику, верил слабо.

Остаток времени до оперативки у начальства, проведенный на месте происшествия, был заполнен обычной оперативно-следственной суетой: выделялись сотрудники для отработки дачного поселка, опроса жителей, согласовывался план поисковых мероприятий, о которых надо было докладывать руководству, назначались ответственные за проверки каждой отдельной версии по делу. Делались попытки применить служебно-розыскную собаку, но псина отчего-то след наотрез брать отказалась, только жалобно скулила. Кто их, собак, разберет!

Колосов выполнял свои начальственные функции как автомат: за добрую чертову дюжину лет работы в розыске весь этот официоз от зубов отскакивал. Бессонная ночь давала себя знать. Посторонние мысли терзали только две: эх, гуд бай теперь отпуск. Что ж, сам напросился. А на инициативных у нас, как и везде, воду возят. И – самая горькая: это ж надо, какое задержание упустить, какая филигранная работа коту под хвост!

И-эх, опоздали!

Несмотря на малолюдный пока еще дачный «несезон», за забором собралась кучка любопытных граждан. Понятых для осмотра искали по всему поселку – сначала никто идти не хотел, а теперь, поди ж ты, набежали. С местными беседовали оперативники Раздольского отдела и участковый. По их унылым лицам Колосов понял: все туфта, ни крупницы полезной информации.

– С нами сила крестная... Оборони бог, оборони бог...

Он вышел за калитку. Со стороны улицы к забору плотно прижала лицо сгорбленная женщина в рваной телогрейке, ботах и завинченном на голове в какой-то немыслимый грязный тюрбан шерстяном платке. Он потянул носом:шибануло смрадом немытого тела и табака.

– Оборони бог, оборони, – бормотала эта оборванка. Тусклые глаза ее были устремлены на садовую дорожку, по которой двое патрульных ППС несли на носилках к подогнанной к воротам «Скорой» тело Гранта. – В лесу, в чаще обернется-перевернется... Смерть, всему смерть... Глаза как уголья, у-у-у... Их в ночи – видеть не моги... Беги, не то загрызет...

– Что за чучело? – тихо осведомился Колосов у участкового. – Бомжиха?

Тот украдкой крутанул у виска пальцем.

– Это Серафима наша Остроухова, Синеглазка Сима. Ее тут все так зовут – и в Мебельном поселке, и здесь. Тронутая, – пояснил он. – Прежде просто запойная была с приветом. У винного все на Мебельном ошивалась. Сколько я ее гонял! Но тогда хоть что-то соображала еще, а теперь... Это градусы в ней, товарищ майор, прогрессируют. Чушь какую-то бормочет, не поймешь ее. Надо бы в приемник-распределитель, а кто ее такую туда возьмет, а насчет психушки... Да у нас в районе ЛТП и тот закрыли – денег ни на что нет. А эту полоумную пьяницу...

– Не брешь, не брешь, Евгенийч, не вводи начальника в заблуждение насчет чего не знаешь – не с водки Серафима помешалась, со страху. – Колосов с удивлением глянул на вынырнувшую из толпы зевак и бесцеремонно вмешавшуюся в разговор, который она явно подслушала, опрятную старушку в цветастом байковом халате и калошах. – Вот участкового бог послал, не переверамши не расскажет ничего!

Колосов кисло глянул на старую ябеду: сейчас жаловаться начнет, что участковый на ее «сигналы» не реагирует. Но старуха заговорила о другом.

– Со страху Серафима помешалась, – повторила она уверенно. – Убей бог. И доктор так сказал в больнице. В ум ей что-то вступило такое. А дело-то было в аккурат после яблочного Спаса. Напугал ее кто-то. Вот и замутилась она. Мы уж с соседками тут к ней приступали: может, стряслось что, может, по-женски кто на большой дороге обидел. Скажи, мол. Молчит все. Глаза такие вот дикие, да бормочет себе. И смерть все поминает, – старуха истово перекрестилась.

Колосов покосился на Синеглазку Симу. Бомжиха так и не отошла от забора. Блеклые губы ее монотонно двигались, словно она пережевывала жвачку.

Никита поспешил к машине: день только начинается, а работы хоть отбавляй. Впоследствии он не раз размышлял над тем, отчего это за бестолочной суетой мы порой совершенно не обращаем внимания на то, что действительно важно и существенно для дела? И виновато, увы, в нашей нерадивости не равнодушие, не халатность, а просто НЕЗНАНИЕ. Судьба порой являет нам прямые намеки, но не дает до поры самого основного – ключа, чтобы их правильно истолковать.

Глава 4

КЛАН

– Прискорбно сознавать, но в последнее время, дорогие мои друзья, мы встречаемся с вами в основном по таким вот печальным поводам. Вот и еще одна утрата, великая потеря, не постесняюсь этого слова, – невосполнимая, роковая для нашей многострадальной культуры, брошенной сейчас на произвол...

Катя вздохнула украдкой: она не любила путаных траурных речей. Тем более в такой солнечный и светлый майский денек. Не любила она и похорон, и кладбищ, и трагических маршей, и слез, и отверстых могил, куда с тихим стуком опускают гробы, и влажной кладбищенской земли, которую надо бросать туда, вниз, на глянцево-дубовую крышку...

Было на свете еще много всего, чего она не любила, но все эти «нелюбви» и антипатии приходилось переживать про себя, потому что их открытое проявление означало бы прямое неуважение и дерзость. К кому? К тем людям, которые...

Сюда, на Ваганьково, на похороны Кирилла Арсентьевича Базарова она пришла исключительно ради Вадима Кравченко. Он предупредил ее: «Лучше, если мы будем там вместе, как настоящая семейная пара. Отец очень просил...» И улыбнулся. Катю покорила эта неуместная и самодовольная улыбка собственника. Веселиться, упоминая о похоронах! Нет, Вадька, несмотря на весь свой внешний лоск, ты все же дурно воспитан. И жутко самонадеян. Катю порой изумляло до глубины души: ну почему они, такие разные, и столько лет вместе с Вадькой? Ведь по сути – они действительно «семейная пара», только вот...

Кравченко, как и Сергея Мещерского, Катя знала, как ей иногда казалось, миллион лет. Так уж получилось, что они всегда были с ней. Стоило лишь снять трубку и набрать номер. То, что они были закадычными друзьями еще со времен учебы в Институте Азии и Африки им. Лумумбы, с одной стороны, очень ей нравилось, а с другой – раздражало и даже порой злило. Столь противоположные чувства испытывала она к этой дружбе оттого, что...

Вот, например, два года назад она совсем было уж решилась сделать свой выбор – Мещерский в глубине души всегда нравился ей больше (несмотря на свой невысокий рост и хрупкий вид), и мечталось, что именно этот хорошо воспитанный, застенчивый и добрый парень наденет ей на палец золотой блестящий ободок. Она даже дала ему понять, что ждет решительных шагов, а Сереженька Мещерский...

Только год спустя она узнала о том самом «мужском» разговоре между Мещерским и Кравченко в пивбаре на бывшей улице Семашко. Тогда они толковали о ней. Точнее, говорил, громогласно и вызывающе, один Кравченко, а Мещерский больше молчал. Нет, они не опускались до пошлости, не тянули спички, не метали орлянку, вручая судьбу легкомысленному жребию. Они просто говорили друг с другом как товарищи, как самые близкие и дорогие люди. И решили все сами по-мужски, между собой, даже и не поинтересовавшись, согласна ли она с их решением.

С того памятного вечера Мещерский надолго исчез с Катиного горизонта. Не объясняя причин. А затем появился. Потому что... он бы, конечно, объяснил ей – почему вернулся (Катя чувствовала), только вот она сама потеряла охоту спрашивать. Ей все это на какой-то миг даже показалось забавным. А потом как-то стало все равно, потому что Вадим Андреевич Кравченко, утвердившийся в ее жизни, как он любил говаривать, всерьез и надолго, всюду распускал свой павлиний хвост, источая нежность и обаяние. В глазах всех «драгоценный В. А.» стал «ее молодым человеком». О них даже говорили «милая пара». А Мещерскому досталась всего лишь старомодная роль «друга семьи».

Сейчас, стоя среди тихой траурной толпы родных, близких и просто скорбящих людей, Катя, как всегда, чувствовала, что и Кравченко, и Мещерский рядом. Она слушала оратора и тихонько восхищалась им: какой проникновенный бархатный баритон со слезой, какие благородные манеры! Актер, наверное. Она шепотом осведомилась у Вадима, кто же это такой. Оказалось – бывший директор ЦДРИ, и он явно не торопился покидать траурную трибуну, величая покойного «учителем, гениальным мастером и неповторимым художником». Кравченко, наклонившись к Катиному уху, пояснил: на похороны ждали правительственную делегацию, а она задерживалась. Поэтому все речи затягивали, чтобы, не дай бог, не свернуть церемонию до приезда высоких гостей.

Внезапно по толпе, словно ветерок, прошелестел вздох облегчения: вроде прибыли. Но оказалось, что это делегация от Союза кинематографистов и жюри конкурса «Кинотавр». Через толпу протискивались какие-то совершенно незнакомые люди, тащили охапки цветов, венки. Замигали фотовспышки.

Катя искала в толпе знакомых: вон отец Кравченко – его рост и стать, несмотря на груз семидесяти лет, все еще выделяют его из толпы. Помнится, Катю первоначально весьма удивляла тесная дружба Кравченко-старшего – генерала КГБ – со многими весьма знаменитыми деятелями искусств. В просторной квартире на улице Неждановой в торжественные семейные даты за столом собирались многие из тех, кого Катя частенько видела по телевизору или о ком читала в газетах. Потом, со временем, она перестала удивляться такой тесной дружбе, кое-что начала понимать. Кравченко-старший был хорошо известным в столице человеком. Когда-то, еще в 70-х, он возглавлял небезызвестное Первое управление КГБ – линию «С» внешней разведки – и обладал самыми широкими связями. В конце девяностых первая часть его «Мемуаров», изданная у нас и за границей, стала настоящим бестселлером.

К Кате старик благоволил особо, все обещал засесть за вторую часть воспоминаний: «Тебе и Вадке надиктую, душа моя, так мы с вами втроем, ребята, такую книгу отгрохаем. Та-а-кую!» (Катя знала, что отец Кравченко в душе мечтает перешеголять в мемуарах Судоплатова и Хрущева-младшего, и всячески поддерживала в нем творческое тщеславие.)

Сейчас она протиснулась поближе к старику, и тот молча и крепко взял ее под руку. Но сразу же его отвлекли какие-то знакомые. И Катя снова осталась одна в траурной толпе. Чувствовала она себя усталой, и ей было даже не любопытно (это была, наверное, самая сильная черта ее характера), кто все эти Великие и Знаменитые, пришедшие сегодня на Ваганьковское проститься с «гениальным» Базаровым. Грустные и торжественные мероприятия, если они чересчур уж затягиваются по причине опоздания высоких гостей, превращаются в фарс, и для того, чтобы его выносить, нужна железная выдержка.

Увы, Катя таковой не располагала. Чтобы как-то отвлечься, она наблюдала за Базаровыми, стоявшими возле самой могилы. Она слыхала, что в Москве их называют не иначе как «клан». Что ж, действительно клан, семья, в лучшем смысле этого слова, с хорошими корнями, традициями и связями. И как на подбор – все мужчины: сыновья, внуки. Покойный Кирилл Арсентьевич оставил после себя знаменитый след не только в отечественном кинематографе. Катя, как и вся страна, в эти траурные дни постоянно видела на экране телевизора знаменитые базаровские фильмы – от жизнерадостных сталинских комедий начала 50-х, о том, «как хорошо в стране советской жить», до добротных экранизаций русской классики. Патриарх клана оставил после себя не только километры ярких лент, но и крепкий род. Фамилию.

– Терпи, Катька, скоро все кончится, – Кравченко, вынырнувший из толпы, снова наклонился к Катиному уху, прервав цепь ее размышлений. – На поминки не поедem. Батя сказал: гуляй, молодежь, свободна.

– Нас с тобой, дорогуша, – Катя не удержалась от колкости, – на эти поминки никто и не звал. – А затем непоследовательно и по-женски любопытно уточнила для порядка: – А где поминки, в ресторане?

– В Доме кино. А насчет того, что «не приглашали», ты зря. Все схвачено у нас. Только что нам там делать – одни старики там соберутся, бывшее начнут вспоминать.

Катя только вздохнула: драгоценный В. А. снова в своем репертуаре.

Кравченко-младший после окончания института им. Лумумбы, господи, как же давно это было, пошел по стопам героического родителя. Однако уже в 1993-м, после известных событий, покинул ряды КГБ – ФСБ и в погоне за длинным долларом повторил судьбу многих своих коллег – стал профессиональным, как он выражался, **телохраном**. Последние годы он возглавлял службу безопасности при персоне Василия Чугунова – скандально знаменитого своей дурью московского толстосума, – поговаривали, что у него капитал больше, чем у самого Бориса Абрамовича, более известного в определенных кругах под псевдонимом Чучело.

Увы, удача отвернулась от кравченковского босса: на почве хронического алкоголизма с возрастом обострились многочисленные болячки, и Чугунов тихо и неуклонно начал загибаться. В настоящее время служба Кравченко при нем состояла в основном в том, что он сопровождал босса в зарубежные клиники и санатории. Через несколько дней они улетали в Австрию, в Бад-Халь, где Чугунов должен был лечь на обследование. Кравченко говорил, что они пробудут там не больше месяца.

Катю разлука расстраивала: времени осталось только-только собраться, а тут еще эти чужие хлопоты, на которых почему-то им надо «непременно быть, потому что иначе семья Базаровых – давний и близкий друг семьи Кравченко – **«не поймет»**...

– Катюш, а ты куда после? На работу?

Катя обернулась. Ну, конечно, Мещерский. Грустный, томный, заботливый друг семьи. И все-то Сережке знать надо. Вот как раз на работу сегодня ей и не хотелось возвращаться, хотя дела были. А у кого их нет?

Вчера, позавчера и даже сегодня утром, перед тем как отправиться на Ваганьково, она тщетно пыталась разузнать в Главке новые подробности об убийстве Игоря Сладких. Никто из ее коллег – сотрудников пресс-центра – толком ничего не знал, сведения, скупые и устарелые, черпали из сводки. «Ты же сама была на месте, чего же ты от нас хочешь!» – искренне удивлялись Катины коллеги и намекали: «А ты обратись к своим связям».

Кое-какие «связи» среди информированных кругов у Кати, как и у всякого уважающего себя и давнего сотрудника пресс-центра, естественно, водились. Однако на этот раз она хотела получить информацию не через десятки рук. Ей нужен был комментарий официального лица. И на роль его подходил один-единственный человек – Никита Колосов – начальник отдела убийств УУР ГУВД, тот самый, что сделал вид, что в упор ее не видит в Раздольске на проспекте Текстильщиков.

И этого самого Колосова вот уже третьи сутки Катя безуспешно разыскивала с собаками по всему Главку. То он на совещании у руководства, то в прокуратуре области, то в ЭКО на Варшавке, а то и просто «отлучился – скоро будет, наверное».

Сейчас, в пятницу, да еще во второй половине дня, нечего даже было и думать застать его в служебном кабинете, а посему, как веско рассудила Катя, незачем было ей и возвращаться «с похорон, да на бал». Информации ноль. Авось минуют выходные, наступит понедельник – день тяжелый, глядишь, что-то и прояснится.

И когда Мещерский повторил свой вопрос о том, куда она собирается «после всего», Катя честно призналась, что никаких планов у нее нет.

– Как Вадька, мне же еще вещи его собрать надо... А вообще, если честно, мне с Лизой пообщаться хотелось бы, – сказала она, – сто лет мы с ней не виделись.

Лизу Гинерозову Катя знала с песочницы. Некогда они жили по соседству на госдаче. Впоследствии Лиза не часто, но весьма регулярно возникала на Катинем горизонте. Подругой ее было назвать нельзя, но доброй старинной приятельницей – пожалуй.

Лиза окончила с отличием институт имени Мориса Тореза (она никогда не утруждала себя полной аббревиатурой этого учебного заведения) и работала переводчиком с итальянского и французского языков в издательстве «Иностранная литература». Потом внезапно открыла в себе талант журналиста (в издательстве стали платить сущие гроши) и начала пристраиваться на работу в богатые и стильные модные журналы. Сейчас она подвизалась «обозревателем от кутюр» в «Стиле нового века», получала гонорары в конвертированной валюте, пичкая своих читателей обширными компиляциями из изданий, финансируемых крупнейшими домами итальянской моды.

Именно с момента своего «откутюрства», как невесело шутила Лиза, словечко «стиль» стало для нее общеупотребительным: Лиза ценила и особо выделяла стиль во всем.

Катя даже подозревала, что это сорное словечко было ключевым и в самом главном на сегодняшний момент счастливым событии Лизиной жизни – ее предстоящем бракосочетании со Степаном Базаровым, внуком того самого Кирилла Арсентьевича, гроб которого все никак не могли торжественно придать земле: высокая делегация все задерживалась и задерживалась.

Лиза стояла рядом со своим будущим свекром Владимиром Кирилловичем Базаровым – старшим сыном «патриарха». Катя видела в толпе ее склоненную рыжую головку, букет белых роз, который Лиза крепко прижимала к груди. Лизу, конечно, нельзя было назвать красавицей, но порода и шарм в ней были. А еще обаяние. А еще удивительный взгляд (такой, пожалуй, не забудешь) огромных серых глаз. Такими глазками можно сразить сердце даже такого завидного жениха, как этот Степка...

Много лет назад Базаровы тоже жили на госдаче. В оные времена Владимир Кириллович трудился на посту завотделом ЦК, затем перешел на руководящую работу в Министерство нефти и газа. Когда впоследствии, в начале 90-х, в стране все резко изменилось, он нашел себе теплое местечко в совместном российско-канадском предприятии и там начал процветать и сколачивать капитал. И сейчас, в мае 1997-го, Лизе доставался не только жених – «молодой человек из приличной московской семьи», но и завидный свекор – весьма представительный и весьма состоятельный капиталист-государственник.

По госдаче Катя Базаровых-младших вообще не помнила – мала была, глупа, а вот по университету... Когда она поступила на первый курс юрфака МГУ, братья Базаровы учились на четвертом. О них на факультете говорили три основные вещи: знаменитый дед – «Ну тот самый, кино видела?», высокопоставленный папа и «одна тачка на двоих». На восемнадцатилетие дед подарил внукам «Жигули», что в конце 80-х означало прямо царский подарок.

Еще про Базаровых говорили, что они – близнецы, они действительно были почти неразличимы, и на факультете ходили сплетни, что братья этим своим сходством беззастенчиво пользуются на экзаменах. Якобы Дмитрий сдавал гос по теории государства и права за Степку, а тот военное дело за Дмитрия.

Впрочем, в университете Катя с братьями-близнецами и двумя словами не обмолвилась: старшекурсники редко обращали внимание на «малявок». Заочное знакомство состоялось лишь через много лет спустя через Кравченко и Мещерского – те знали близнецов чуть ли не со школы, – и Катя не переставала удивляться, как же все-таки бывает тесна огромная Москва. Куда ни ступи – везде знакомые и знакомые знакомых.

А Лиза Гинерозова познакомилась со Степаном Базаровым на теплоходе «Карина» во время зимнего круиза по Красному морю. Об этом знакомстве она рассказывала взахлеб. Потом они жили вместе и даже снимали квартиру где-то в Строгине. С Лизиних слов Катя знала, что близнец был и дальше не прочь продолжать эти неофициальные отношения, но не тут-то было. «Пришлось брать судьбу за горло. Устраивала ему сцены, – делилась Лиза опытом по улавливанию выгодной партии. – Настаивала на своем. А как же иначе? Они ж, Катюша, сейчас в таком возрасте, что либо волокут в загс восемнадцатилетних моделей-телочек, либо

женятся в своем кругу – на стильных и перспективных в деловом плане. Вот я и постаралась Степочке внушить...»

Впрочем, за все полтора года своего романа осторожная Лиза ни разу не предложила Кате воочию взглянуть на свою выгодную пассивность, свято соблюдая первую заповедь каждой мудрой женщины: никогда не знакомь того, на кого сама имеешь виды, с подругой.

И вот только на этих злосчастных похоронах Катя впервые за десять лет, прошедших после окончания университета, увидела братьев снова. Увидела и сначала едва их узнала. Насколько она помнила – студентами они были просто «приличными мальчиками» без особых примет. Оба тогда, кажется, всерьез занимались спортом – Степан даже входил в университетскую сборную по легкой атлетике.

Сейчас мальчики превратились в мужчин и выглядели на свои тридцать с небольшим. Близнецы стояли подле дяди, младшего сына «патриарха», Валерия Кирилловича, который тоже был весьма известным кинорежиссером и в последние годы работал исключительно за границей – в мастерской Фассбиндера.

Катя тишком осведомилась у Кравченко – кто же из близнецов Степан, а кто Дмитрий. Оказалось, что парень с чуть седоватыми висками (и это несмотря на молодость) – Дмитрий, а тот, кто нацепил к черному траурному костюму ужасный павлиний галстук, а на нос воздел пижонистые темные очки, – Степан.

Рядом с ними стоял и еще один совсем молодой паренек – по виду лет девятнадцати. Шатен со смуглой кожей и переизбытком геля на нарочито стильно зализанной шевелюре. Его ядовито-желтая водолазка под черной замшевой курткой так и бросалась в глаза. Катя догадалась, что это, наверное, самый младший Базаров – Иван, сын Владимира Кирилловича от второго брака, единокровный брат близнецов. Его мать умерла несколько лет назад, и с тех пор Владимир Кириллович не вступал в брак.

Лиза, встретившись с Катей взглядом, передала свой букет Ивану и протиснулась сквозь плотное кольцо людей, окружавших могилу, поближе к приятельнице.

– Сил моих нет больше там стоять, – шепнула она. – Все плятятся, прямо дыру проглядеть готовы. Мне все кажется, что на мне что-то криво надето. Или прореха сзади, или колготки поехали.

– Все нормально, – успокоила ее Катя, покосившись на ловко сидевший на приятельнице черный костюм. Гинерозова, скованная своим «стилем», вечно рядилась во все черное, точно галка.

– Жаль старика, конечно, но пожил, куда уж больше – восемьдесят шесть! Он ведь, Кать, последние полгода в лежку лежал. Паралич. Они сиделку нанимали – с ложки его корми, на горшок посади, – Лиза вздохнула. – Ужасно, правда? Тут по телевизору фильмы его показывали, он там в роли. Какой мужчина был, а? И вот стал – бревно бревном, все под себя... Что делается, Катька? Неужели и мы такими развалинами станем?

Катя машинально кивнула. Она наблюдала, как Кравченко подошел к отцу и они вместе затем подошли к Владимиру Кирилловичу, видимо, выражали соболезнования, о чем-то тихо и обстоятельно беседовали.

– Правда, будь на свете справедливость, старик бы дотянул до осени, – донесся до нее недовольный шепот Лизы. – Мы со Степкой расписаться должны были шестого июня. А теперь из-за траура все отложено на август. Пойдут теперь девять дней, сорок дней...

Катя промолчала. Утешить Лизу в ее печали по поводу законного штампа в паспорте она не могла.

– Да какая разница? – шепнула она, увидев, что губы приятельницы обидчиво дрогнули. – Все равно же у вас все решено. Месяцем позже, месяцем раньше. Куда он от тебя денется?

Гинерозова потупилась: Катя поняла – приятельница хочет ей что-то сказать, однако не решается.

– Он сильно изменился, Катя, – выдала Лиза наконец. – Я чувствую. Прежде я думала, это у него стресс такой после болезни, а сейчас... Знаешь, – она снизила голос совсем до шепота. – Мне иногда даже кажется, он рад, понимаешь, что все так получилось, что появился законный повод все отложить. Я уверена.

– Не выдумывай ерунды, – Катя обняла ее за плечи. – Степан тебя любит. Ведь это же он был инициатором, чтобы вы расписались. Он? Ну вот. А эти чувства... У мужчин это бывает – приливы, отливы... Да достаточно сейчас видеть, как он на тебя смотрит. Кстати, а чем это он болел, а?

По толпе прошло движение, весть о том, что долгожданная делегация наконец-то приехала, мигом облетела всю похоронную процессию.

– Ты их путаешь, Катя, – Лиза тоже несколько встрепелась. – Смотрит он на меня, говоришь... Это Димка сюда смотрит – и кстати – на тебя. А Степочкин взгляд, жгучий и страстный, – Лиза фыркнула, – ты заметить не могла. Он же в своих бифокалах черных. Так что не обманывай меня, подружка, не надо. Хотя и слушать мне тебя ужасно приятно.

«Ужасно приятно» – в этом вся Лиза. Этот ее жаргон: «стильно», «стремно», «утробно», «железно» и «горестно», употребляемый ею столь обильно, надо признать, ее совсем не портит. Тусовочкой, конечно, пахнет. Что ж, кто сейчас не тусуется? Она чуть улыбнулась: все образуется, поженятся они с этим Степкой, нарожают детишек. А проблемы? У кого нынче нет проблем? У нас, что ли, с Вадькой все гладко?

В этот миг она услышала, как Кравченко вполголоса сказал Мещерскому: «Дядя Володя (имелся в виду Владимир Кириллович) как сдал, заметил? Худющий, кожа землистая. Как переживает, старик, а? Ну, такого батю потерять...»

К Базаровым начали подходить выражать соболезнования. Первыми – члены правительственной делегации, за ними все остальные. Запел церковный хор.

И вот наконец отзвучали все скорбные речи, отгремел воинский салют, и все успокоилось. Над могилой вырос песчаный холм, в мгновение ока скрывшийся под гигантской горой гирлянд, венков, корзин с цветами и букетов.

Когда все уже было позади и народ медленно тронулся с кладбища, чтобы ехать на поминки, Кравченко подвел Катю к близнецам. Степан стоял, полуобняв Лизу за талию. Дмитрий глубоко засунул руки в карманы пиджака, мрачно взирая на памятник Андрею Миронову, видневшийся вдали аллеи.

Катя снова отметила сходство близнецов – оба плотные, круглолицые, среднего роста, хорошо сложенные. Однако у каждого имелись и недостатки: Дмитрий был, например, явно склонен к полноте. А Степан, когда он сдернул свои черные очки, здороваясь с Катей, оказывается, заметно косил.

– Ну что, ребят, светлая память моему дедуле. Пусть земля ему будет пухом, – сказал он. – Поехали помянем?

Тут Катя поймала взгляд Кравченко. И поняла его так: в нашей чисто мужской компании дамы нежелательны. Останься, дорогуша, и Лизку за хвост удержи.

– К сожалению, мне надо вернуться на работу, – соврала Катя, не моргнув глазом. – Я в церковь зайду у нас на Никитской, свечку за упокой поставлю. Вы езжайте, ребята, а нас подвозить не надо. Мы с Лизой... правда, Лиза?... прекрасно сами отсюда доберемся.

Степан Базаров скользнул по ней взглядом.

– Ладно, – сказал он. – Спасибо, что пришли... пришла... Если сразу на «ты», Кать, ничего? Нет? Ну и хорошо. Я рад. Не люблю, когда женщины по пустякам возражают, – и он улыбнулся Лизе.

– А кто это любит? – усмехнулся Кравченко. – Но вас, девочки, мы все-таки подбросим.

К машинам шли молча. Солнце сильно припекало. Катя щурилась. Три часа, четвертый, а какая жара! И это май месяц. Что же летом будет?

– Иду, не подымая взора...

Она обернулась – за ней шел Дмитрий Базаров. Это произнес он вполголоса.

– Солнце, – пояснила Катя. – Яркое до слез.

– Паук.

– Что? – от неожиданности она даже остановилась.

– Говорят, как-то бог с дьяволом поспорили: кто из них создаст наипрекраснейшую вещь.

Пока дьявол что-то там химичил, бог из паука создал солнце... Не смотрите на меня так. Это не я выдумал – это Виктор Гюго.

Катя улыбнулась вопросительно.

– А я вас помню. Мне Вадька сказал – вы тоже на юрфаке учились. – Дмитрий полез в карман пиджака. – Жаль, Катя, что вы отказались хлопнуть в нашей теплой компании по стопарику водки. Ну да правильно сделали. **А без дражайшей Лизочки**, которую вы так деликатно удержали, нам будет и совсем комфортно. Вот держите.

– Что это?

– Это чтобы вам солнце в глаза не било и вы не морщились.

Он прицепил к ремешку ее сумочки очки. Точно такие же, как у брата, – дорогие и модные.

– Зачем? Спасибо, не надо. Зачем мне?

– В них смело смотрите на солнце, и оно не покажется похожим на паука или какое-то другое насекомое. Это «блюбллокеры», Катя. Да не отказывайтесь вы! Это ж не подарок, а дружеская ссуда. При следующей нашей встрече вернете. Договорились?

Когда они высадили их с Лизой у метро «Баррикадная» и, просигналив, умчались прочь, Гинерозова заметила:

– Отрываться наши поехали. Господи, для мужиков – все повод, даже похороны – повод для этого дела. Если б ты только знала, Катька, как я устала от всего этого. Как мне все это осточертело! По ее горькому тону, столь не похожему на ее обычную насмешливо-спокойную манеру изъясняться, Катя поняла: в этой известной семье, полноправным членом которой Лиза уже себя ощущает, существует много такого, о чем не принято говорить при посторонних. Впрочем, так же как и в других семьях.

Про себя она тут же решила, что завтра же она отдаст «блюбллокеры» Вадьке с тем, чтобы при случае он вернул их близнецу сам. Сегодня с Кравченко, который, дай бог, только ночью вернется после этого своего траурного мальчишника, говорить будет абсолютно бесполезно.

Глава 5

СЛЕДОПЫТ

В понедельник – день тяжелый – Катя примчалась на работу в половине девятого, распахнула в кабинете окно – пусть свежий ветерок прогонит кабинетную дрему. Внизу, в Никитском переулке, шуршали по асфальту машины. У кого-то то и дело срывалась сигнализация. Но вот удивительное дело: ее визгливые трели заглушало вкрадчивое любовное воркование голубей, доносившееся с карниза. Минутами в переулке воцарялась тишина – звенящая и какая-то прозрачная, утренняя. И тогда Кате, облокотившейся на пыльный подоконник и глазевшей вниз, казалось, что она одна в этом огромном городе, словно на необитаемом острове. Над крышами синело майское небо с легкомысленными кудряшками облачков. Словом, настроение воцарялось самое антирабочее, однако Катю это сегодня никак не устраивало.

Из этого понедельника она надеялась извлечь максимум пользы и информации по интересующему ее делу о заказном убийстве: костями лечь, но именно сегодня заставить осведомленных лиц прокомментировать трагические события.

Для начала она выяснила в дежурной части управления розыска, на месте ли начальник отдела убийств. Оказалось, Колосов на оперативке у шефа. Это Катю вполне устраивало – оставалось ждать, и она терпеливо села в засаду.

Увы, работа криминального обозревателя даже в недрах такого серьезного и солидного учреждения, как областное ГУВД, нередко напоминала Кате нелегкий труд охотника, а точнее, даже следопыта. Однажды взятый след – дело, в котором Кате мерещилась будущая сенсация, заставлял ее в прямом смысле охотиться за нужной дичью. А в разряд «дичи» попадали все те, кто прямо или косвенно располагал подробностями дела и мог дать толковый и интересный комментарий для прессы.

Однако лобовая атака на должностных лиц чаще всего результата не приносила. Словечко «пресса» повергало следователей и оперов в состояние недовольного беспокойства. Тогда Кате приходилось идти на разные хитрости, ища окольные пути. Какие? В общем-то, не очень сложные. Она весьма быстро усвоила, все эти хмурые, важные, ужасно занятые профи – в большинстве своем всего-навсего обыкновенные мужчины, а путь к сердцу любого мужчины лежит через...

Например, неуловимого Колосова Катя планировала застукать в обеденный перерыв. С сытым опером легче толковать, а после обеда Никита станет совсем покладистым. Главное, не упустить его и проследить, чтобы он никуда не двинул в район. Катя позвонила своей приятельнице в секретариат, и та – девочка наблюдательная – обещала звякнуть, как только сотрудники розыска отправятся на обед.

Следующим на сегодня было запланировано общение с Ванечкой Вороновым, который являлся не только толковым оперативником и сотрудником самого интересного для Кати «убойного» отдела, но и поэтом-самородком. На этой почве у них с Катей было сродство душ, чем она беззастенчиво пользовалась. Когда Воронов приносил в пресс-центр свои новые вирши, чтобы «сведущие в литературе люди дали беспристрастную оценку», она из кожи вон лезла, чтобы польстить его поэтическому самолюбию, а затем... как бы невзначай задавала вопросы о том, что ее интересовало. Воронов был молод и, как все поэты, неискушен, а посему являлся иногда бесценным кладом сведений.

Вот и сейчас Катя полезла в стол, достала аккуратную распечатку с компьютера, перечла стихи, улыбнулась: «Скажи-ка, а разве возможно, вот так никогда не любя, мечтать, замирая тревожно? Лишь взглядом касаясь тебя...» Милый Ванечка, последний ты у нас романтик с «макаровым» в кобуре. Взгляд ее скользнул по следующей странице: милицкий фольк-

лор, специально подобранный для нее Вороновым «на земле». Перл исходил из Ступина: «По деревне шла и пела группа участковых. Самогон они изъяли – ох и развезло их!»

Катя, не откладывая, позвонила поэту, и поэт стремглав полетел к ней, как мотылек на огонь свечки (за четверть часа, оставшиеся до начала рабочего дня, Воронов надеялся получить рецензию на свою новую героическую балладу).

Ну и получил. Такую, что просиял, как новенький деноминированный «рупь».

– А на конкурс в газету, на твой взгляд, Катюша, это можно послать? – робко осведомился он, когда Катя кончила захлебываться от восторга.

– О да! Посылай, и немедленно! – Катя лучилась восхищением.

Минут пять еще они болтали о литературе, а потом Катя тихонечко перешла к делу. Весть о том, что в убийстве Сладких подозревался некто Антипов-Грант – профессиональный киллер, кроме того, еще подозреваемый в совершении трех заказных убийств, поразила Катю чрезвычайно. Упаси бог, она и не сомневалась, что эта заказуха будет раскрыта – она свято верила в гений доблестного подмосковного УР: рано или поздно, когда рак свистнет, убийцу поймут, рассуждала она про себя. Но вот оказалось, что у сыщиков фигурант по этому делу уже был с самого начала, они шли по реальному следу и...

Следующая новость о том, что и Гранта через двенадцать часов после совершения им преступления нашли мертвым, уже не поразила ее так сильно. Что ж тут удивительного? Концы в воду. Однако Катя относилась к этому спокойно до тех пор, пока словоохотливый Воронов не поведал ей по секрету о том, **каким образом** прикончили киллера.

– Ему, значит, шею сломали? – озадаченно переспросила Катя. – Как же это?

– А вот так – крак, и готово. – Воронов сделал жест, точно скручивал пробку с бутылки пепси-колы.

– Как странно... необычно. Не проще ли было этого типа застрелить, или оглушить, или... – Катя, затаив дыхание, измеряла глубину своего жестокосердия.

Увы, ни Сладких, ни тем более этого Гранта ей не было жалко совсем. Она прекрасно сознавала эту свою черствость, но даже и не пыталась ее в тот миг преодолеть.

– И что же теперь все это – висяк? – задала она новый вопрос.

Воронов взглянул на часы.

– Чего, Кать, не знаю, того не знаю, – признался он. – Дело на нас, значит, будем по нему работать, а удачно теперь или неудачно... ладно, мне пора. Спасибо за теплые слова насчет моих сочинений.

От спокойного профессионального пессимизма Воронова вдохновенное и решительное Катино настроение как-то вдруг померкло. Дело в том, что престижный журнал «Криминальный дайджест» заказал ей полосный материал именно о ходе раскрытия этого громкого дела (о нем трубили уже все телевизионные каналы). Кате домой в выходные звонил сам главный редактор журнала. Наконец, и это тоже было немаловажно, за такой репортаж полагался приличный гонорар. А тут на тебе. Грант этот идиотский убит, Сладких убит. Два убийства в одни сутки. Розыск со всей своей секретностью и деловитостью садится в лужу, она со своими полутворческими, полумеркантильными интересами тоже садится в лужу и... «Интересно, будут ли теперь Никитины орлы столь же ревностно пахать по делу убиенного киллера? – уныло размышляла Катя. – Никита всю эту публику на дух не переносит. Его тайное кредо всем известно: чем больше и чем скорее они друг дружку переброхают, тем воздух станет чище, так что... возможно, он теперь просто вид делает, что они работают по этому убийству, а на самом деле палец о палец не ударят. Кому этот киллер нужен-то? Кто о таком плакать станет?»

Однако пускаться в дальнейшие дилетантские размышления ей не захотелось. А захотелось, причем смертельно, немедленно пообщаться с начальником «убойного».

Но времени до обеденного перерыва еще было много, день только начинался, пришлось ждать. Катя трудолюбиво корпела над очередным «кровавиком» для «Дорожного патруля».

Изредка обращалась к компьютеру – надо было уточнить кое-какие данные. Неожиданно забастовала ручка. Стержень кончился. Катя полезла в сумку за запасной и наткнулась на базаровские «блюблокерсы». Мигом и творческое настроение пропало, и трудолюбие иссякло. Вспомнились ваганьковские похороны, клан и...

В пятницу Кравченко вернулся в половине первого ночи под сильнейшими парами. Катя знала: даже в таком опасном состоянии драгоценный В. А. садится за руль, наплевательски относясь ко всем запретам ГАИ. Сколько раз она с ним из-за этого ругалась! Даже вон выставляла, но...

Наутро в субботу, еще в постели, она попыталась закатить ему скандал насчет «пьянства, разгильдяйства и преступного авантюризма», но Кравченко сквозь сон лишь томно улыбался ей и зарывался лицом в подушку. За завтраком она делала вид, что дует на него, а он ел так, что аж за ушами трещало. Потом ей предстояло выступить в роли верной женушки, собирающей мужа в командировку. Кравченко летел в Австрию всего лишь на две-три недели, а брал с собой жуткое количество вещей. Порой Кате хотелось комом запихать все эти его шмотки в чемодан и, подобно героине незабвенных «Женщин на грани нервного срыва», шваркнуть его из окна квартиры в мусорный контейнер.

Кравченко, протрезвевший, гладковыбритый, пахнувший туалетной водой, мятной резинкой, жутко подлизывался, беспрестанно путаясь под ногами. Это у него называлось «помогать собираться». Он мило болтал, а по сути сплетничал про Базаровых и вчерашние посиделки в узком кругу. От него Катя узнала новость: на мальчишнике отсутствовал Иван – младший брат близнецов. – У них, по-моему, напряженка какая-то в отношениях, – делился Кравченко. – Ну, я особо-то не вникал, но по виду точно. А чего, собственно, им делить? Видела, как живут? У каждого – по тачке, да по какой! Даже у этого шкета то ли «Опель», то ли «Ауди», но он, близнецы говорят, что-то трусит, за руль не садится... Дядя Володя никого из сынков не обидел. При таких деньгах это, правда, нетрудно.

Тут Катя выслушала подробнейшую справку о том, что после слияния таких нефтяных гигантов, как «Юкос» и «Сибнефть», компания, в совет директоров которой входил Владимир Базаров, «Нефть и газ России» окончательно вышла из-под опеки «Юкоса» и теперь самостоятельно конкурирует со слившимися гигантами и с «Лукойлом», и даже с... В подобных делах Катя ничего толком не понимала, а посему пропустила весь пространный комментарий мимо ушей. Конечно, спора нет, Базаров – человек с большими деньгами. И отец его тоже был не бедный, этот покойный патриарх отечественного кино, и братец – зеркало европейского постмодернизма в кинематографе, а вот сыновья...

– В бизнесе при отце один только Димон кружится, – дальше делился Кравченко. – На пользу ему ваш юрфак пошел. Башка у него светлая: где-то в юридическом отделе фирмы дела делает. И зарплата – дай бог. Это папаша в совете директоров давит, чтобы компаньоны для его сына не жадничали, двигали его карьеру. А вот Степа окончательно с правоведением расстался. Знаешь, какой у него талант открылся? Я вчера узнал – чуть не упал.

– Какой? – Катя спрашивала машинально: складывала в спортивную сумку Вадькину обувь.

– Педагогический. – Кравченко хмыкнул. – А предмет, знаешь, какой он себе избрал? Ни много ни мало – жизнь и смерть.

– Как это?

– Любитель он, профан, а туда же... С Серегой нашим они одного поля ягоды. Идеалисты. Экспериментаторы.

– Как это? Я не понимаю.

– Ну ты знаешь, где мы с ним накоротке сошлись. – Катя прежде слыхала от Кравченко, что особо сблизился он со Степаном Базаровым на так называемых гладиаторских игрищах.

Кравченко иногда по профессиональной необходимости, а порой просто из любви к искусству посещал состязания по так называемому русскому бою: организовывал проведение занятий и спецсеминаров для сотрудников своей службы безопасности. Именно на этой «педагогической» почве он и сблизился с Базаровым, который некоторое время был продюсером и устроителем «гладиаторских боев». Катя не знала точно, как именно называется у этих чокнутых единоборцев тот, кто организует и финансирует этот безобразный мордобой, да и знать не хотела.

– А с ринга, или как это у вас там зовется... с ковра, он разве совсем ушел? – вяло полюбопытствовала она.

– Угу. Точнее, его ушли. Пришлось. Не законтачил он с Динамитом, ну и...

– А кто такой Динамит?

Кравченко только руками развел, ну ты, мол, даешь! Катя спохватилась: господи, да это какой-то там у них чемпион. Вадька им просто болеет, даже однажды, помнится, Катю возил в спорткомплекс любоваться на эту знаменитость.

– Отчего же Степан с этим взрывоопасным не поладил?

– Это их дела. Степа своих секретов не открывает. Да мы с ним год не встречались – много воды утекло. Я и не знал, что у него творится. Вчера он рассказывал, мол, у него уже свое дело – военно-спортивная школа для молодежи. Они с Мещерским как клещи друг в дружку вцепились насчет проблем какого-то там выживания, адаптации к экстремальным условиям и... Словом, скука для подготовишек. Но вообще, судя по пленке – он нам кассету демонстрировал, – в его доморощенном спортколледже вроде бы все уже налажено. Я вот когда вернусь с нашего с Чучелом Сен-Готарда, загляну к Степке на огонек. Может, что путное и для своих мальчишек у него почерпну.

– Вы вот вчера у него пьянствовали, а Лиза, бедная, из-за вас до ночи домой не могла попасть, – укорила Катя. – Она, наверное, к родителям поехала, а это в ее положении уже неудобно.

– Да не у Степки мы были, не на съемной хате, а в их квартире.

– В какой это их? Чьей?

– Ну, близнецов. Батя им купил на проспекте Мира четырехкомнатную. Там сейчас Димон один печальный обитает. Впрочем, – тут Кравченко покосился на Катю, – если ты думаешь, что твоя Лизочка целиком уже прибрала к рукам своего женишка, – ошибаешься. Они вот уже месяц как живут отдельно.

– То есть? У них же свадьба шестого июня должна была быть, ее из-за траура отло...

– Степка сейчас постоянно в Уваровке торчит. У Базаровых там дача, еще дед строил. Там недалеко база отдыха. Он ее, оказывается, уже второй год как арендует. Сначала ремонт там шел, а теперь полевой лагерь оборудовали полностью.

– Для чего лагерь?

– Для школы своей, я ж тебе говорю. Тренировочки на свежем воздухе, бег трусцой и все остальное по полной программе. Так что боец наш там сейчас при своих школярах, а Лизка... Вообще-то не мешало ее просветить, за кого, собственно, ей так не терпится выскочить замуж.

– Насчет чего это Лизу не мешало бы просветить? – не поняла Катя.

Но Кравченко весьма непоследовательно вдруг отрезал:

– Не мужское это дело, Катюша, бабьи сплетни перетолковывать.

Она едва не съехидничала: «А что ты только что делал, друг милый», но удержалась. Кравченко по чисто профессиональной привычке даже ей рассказывает ровно столько, сколько хочет в данную минуту. Большого от него все равно не добьешься. Он хоть на первый взгляд и настоящий лодырь и балбес, но, когда надо, скользкий, как угорь. Больше о Базаровых в те выходные они не вспоминали. И, естественно, Катя забыла и про эти «блюблокерсы».

Теперь она вертела очки в руках. Эх, придется самой возвращать этому странному Диме. Можно, правда, Мещерскому поручить передать этот дорогой аксессуар или же... Да бог с ними, с этими очками, – при случае успеется.

К половине первого материал для журнала был готов и занял свое место в редакционной папке. Катя позвонила в секретариат приятельнице, и та сообщила, что Колосов только что прошел мимо ее двери – по-видимому, направляясь в столовую. Не теряя ни секунды, Катя стремглав выскочила из кабинета, прыгая через две ступеньки, спустилась по лестнице. Она снова воображала себя следопытом: дичь продвигалась к дверям главковского буфета, и палить по ней из всех стволов следовало незамедлительно.

Прохаживаясь в вестибюле перед лифтом, Катя делала вид, что разглядывает яркие обложки журналов в книжном ларьке, а сама зорко поглядывала на лестницу. Ага, вот и он, долгожданный. Сейчас мы с тобой, очаровательный Никита Михайлович, «случайненько» встретимся.

– Сколько стоит Дафна Дюморье? – осведомилась Катя громко, едва только Колосов поравнялся с книжным киоском, – дайте мне «Дом на взморье», пожалуйста, и... Ой, погодите-ка, я, кажется, деньги забыла, придется наверх в кабинет сбегать и... Здравствуй, Никит, – просьба, досада на свою девичью забывчивость и неподдельная радость от вида знакомого лица начальника «убойного» прозвучали в ее голосе в унисон. Главное было в том, чтобы Никите померещилось, что это он, как всякий настоящий мужчина, берет инициативу в свои руки, а дальше из него можно вить веревки. Колосов явно слышал фразу о «забытых деньгах». Катя правильно все рассчитала: этот парень по сути – рыцарь, а посему...

– Получите с меня за эту книжку... вот девушка у вас просила и... газету мне, пожалуйста... «Комсомолку». – Он протянул Кате «Дом на взморье» и тут только ответил на ее приветствие: – День добрый, Катерина Сергеевна.

– Спасибо тебе. Денежку отдам после обеда, – посулила Катя. – Ой нет, все равно придется подниматься... Я такая рассеянная...

– Идем. – Он пропустил ее вперед к двери, ведущей в столовую. – И охота снова по лестнице бегать?

Когда они сели за столик в углу, Катя грустно подумала: «Вот мы с ним друзья. И я явно ему нравлюсь. А то нет? Так зачем же, черт возьми, надо ломать эту глупую комедию с подкарауливанием? Чего проще – взять и прямо спросить: меня жутко интересует убийство в Раздольске. Ведь мы с тобой, Никит, не первый год знакомы, неужели ты мне как другу не можешь сказать?»

Она со вздохом зачерпнула вилкой свекольное пюре и сказала совсем другое:

– Ты такой милый, Никита. Правда-правда. Подумать только, мне не понадобилось ползти на четвертый этаж за деньгами, потом спускаться сюда, а тут бы все вкусное уже съели... – Она фыркнула. – Ты всегда такой милый или только по понедельникам?

– По пятницам у меня депрессия.

«Значит, не забыл, как в пятницу, в день убийства, вел себя со мной. Ладненько», – отметила Катя.

– И за книжку тебе тоже спасибо.

– Долго еще?

– Что?

– Шаркать ножкой будешь, Катерина Сергеевна? – Он отпил томатного сока из стакана. – Ч-черт, сладкий! Кто додумался в томат сахар класть?!

– Оригинал какой-нибудь, – быстро вернула Катя. – Сейчас сплошь одни оригиналы. В Раздольске, я вот слыхала, тоже... Никит, не делай такие странные глаза – на нас смотрят, я тебя спросить хочу: а почему вашего Гранта убили таким оригинальным способом? Твоя личная версия по этому поводу, а?

Колосов подвинул стакан сока к Кате.

– Когда-нибудь ты меня доконаешь, ей-богу, своим всезнайством, – сказал он. – Кто тебе про Гранта успел доложить?

– Про киллера, убившего Игоря Сладких? – подлила она еще масла в огонь. – Знаешь, а они мне даже сегодня ночью снились. Синие такие, как упыри: найди, воют, убийцу, разыщи-и... Дело стоит того, чтобы его раскрутить, а, Никит? Одно слово профессионала: да или нет?

– Да.

По тону, каким Колосов произнес это «да», Катя поняла: хватит юродствовать. Дело действительно серьезное и **чрезвычайно любопытное**, раз уж Никита заговорил таким языком.

– Там **что-то не так**, Никита? – тихо спросила она.

– Да. Что-то...

– А что?

– Пока не знаю.

Они посмотрели друг на друга. У них уже встречались дела, в которых «что-то было не так». С последним таким делом Колосов, помнится, пришел к Кате сам. То дело было страшным и памятным для обоих. И они не забыли ни его, ни тех часов, которые провели вместе, работая, как говорят в розыске, «в одной связке». Помнится, в том деле участие Кати оказалось не таким уж и бесполезным, и Никита это отлично знал, а теперь...

– Тебе нужна статья? – прямо спросил он.

– Желательна бы. У меня в инструкции служебной записано: прославлять наши... точнее, ваши подвиги и формировать положительное общественное мнение.

– Короче: ты писать пока по этому делу ничего не будешь. Выпытывать самостийно тоже. И путаться у меня под ногами.

– Как скажешь, начальник. До каких же пор «пока»?

– Пока я тебе не разрешу.

– А взамен что дашь? – Катя утопила подбородок в кулачки. Глаза ее медленно скользили по лицу собеседника. Он помолчал секунду.

– А взамен, если, конечно, хочешь, можешь сегодня поехать вместе со мной в Раздольск. Там кое-что новенькое. Думаю, хватит для твоего ненасытного любопытства.

– Прямо сейчас вот? – Катя опешила от такой его оперативности.

– А у тебя неотложные дела? – Никита поднялся, составил на свой поднос ее тарелки.

– Не смей без меня уезжать – я сейчас! Мигом! – Катя ринулась вон из столовой.

Ей даже в голову не пришло взглянуть на часы – 13.00. А до Раздольска полтора-два часа езды, да там, да обратно... А Кравченко, между прочим, настоятельно просил ее вернуться сегодня с работы пораньше. Ну да бог с ним, с драгоценным В. А. Отплатим ему за вчерашнюю гулянку той же монетой.

Катя давно уже твердо усвоила: Колосов, так же как и Кравченко, никогда ничего не говорит и не делает просто так. В прошлый раз он допустил ее в эту свою святая святых – оперативную кухню – потому, что посчитал полезным для себя имевшийся у Кати переизбыток воображения. Возможно, и это дело, в котором «что-то не так», следует, по его мнению, тоже рассматривать под несколько необычным углом? «Что же там такое? – лихорадочно размышляла Катя. – Ну заказное, ну потом этого киллера грохнули – концы в воду, так это же почти всегда так по этой категории дел бывает, что же там непонятного для Никиты?»

Она и не подозревала, что вопрос о том, что же все-таки происходит в этом живописном уголке Подмосковья – Раздольске и его окрестностях, – вскоре станет и для нее важным. Очень важным. От ответа на этот вопрос будут зависеть жизнь и смерть.

Глава 6

МЕСТО, ГДЕ ПРОПАДАЮТ ЛЮДИ

О том, что их ждет в Раздольске, Катя не имела ни малейшего представления. Но лишних вопросов начальнику «убойного» не задавала. Молча глазела в окно «Жигулей»: весна на исходе, а поля кругом пустые, незасеянные, поросшие изумрудной травкой – сорняком.

– Никит, а отчего на полях никого нет? – не выдержала она наконец.

– А кто тебе нужен **на полях**? – усмехнулся Колосов.

– Ну, крестьяне, колхозники...

– Кому надо – тот давно отселялся. А тут у нас теперь целина. – Он свернул на проселочную дорогу. – В Раздольске хлеб, по всему видно, разучились сеять. Есть тут еще пока какое-то чахлое животноводство: буренки там – дачников молоком поить, пятачки на ветчину. А остальное все прахом пошло.

Катя, как всякая коренная горожанка, испытывала, выезжая на природу, самые сентиментальные чувства и была не прочь полюбоваться на этих самых «буренок и пятачков» на цветущей полянке, однако никакой живности, кроме ворон и галок на проводах, им не встретилось. Колосов сбавил газ, и они внезапно вырулили на тихую дачную улицу, бравшую начало прямо из леса. Катя озиралась по сторонам: старые дачи, наверное, некоторые еще довоенные.

– Это где же мы? – поинтересовалась она.

– Половцево. – Колосов остановился у потемневшего от времени двухэтажного дома с верандой, чем-то напоминавшей фонарь. – Вот здесь убили Антипова, Катя.

По дороге в Половцево Колосов раздумывал: говорить ли ей о ране на горле Гранта? Эта подробность по предварительной договоренности с прокуратурой и судебным медиком не должна была пока нигде фигурировать. Необычную «визитку» убийцы намеренно оставляли в тени для того, чтобы впоследствии, если розыск пойдет успешно, быть уверенными: только тот, кто упомянет в своих признаниях эту подробность, – и есть настоящий фигурант по этому делу.

Колосов в душе так и не мог решить: говорить ли все Кате до конца, и вообще... Для него еще было неясно и самое главное – зачем он привез ее сюда, в этот дом, на этот участок, на заборе которого еще сохранились потеки крови? Что-то подсказывало Никите, что «Катерина Сергеевна», возможно, окажется в чем-то полезной по этому делу. Это чувство уже посещало его однажды, тогда он послушался его и не прогадал. А может быть, все было гораздо проще: ему просто хотелось видеть Катю. Очень хотелось. Он должен был ее видеть, хоть изредка ощущать, что она – вот она, рядом, протяни руку и коснись, только... Только в этом своем желании из гордости, из какого-то непонятного упрямства он не признавался даже самому себе.

На место происхождения ему требовалось взглянуть еще раз. Так он поступал всегда, по всем своим делам. Это был его личный стиль работы, сложившийся за годы работы в розыске. Обычно он приезжал на место один и без суеты, без спешки все там повторно осматривал, стараясь представить себе картину происшедшего. Сейчас же при таком визуальном анализе по его собственной инициативе должна была присутствовать Катя. Он хмыкнул про себя: что ж, если женщина потребна тебе даже для умственного вдохновения, по крайней мере не выгляди перед ней круглым идиотом. Катя явно ждала объяснений. И он коротко, опуская все существенные подробности их предыдущей оперативной работы, изложил суть дела. Она выслушала, затем открыла калитку и пошла по тропинке к даче. В руках ее Колосов заметил маленький фотоаппарат «Самсунг» – «мыльницу». Катя имела привычку, если готовила репортаж для иллюстрированных журналов, заранее запастись как можно большим количеством снимков.

«Мыльница», конечно, не профессиональная «лейка», но при известной сноровке даже она иногда выдает вполне удачный кадр.

– Ты определенно утверждаешь, что именно этот ваш Грант убил Сладких... Значит, есть основания? – Она шелкнула, снимая дом.

– Есть основания утверждать это наверняка.

– А мы тут одни? А где же хозяйева?

– Хозяйка. Прозорова Долорес Ромуальдовна. Вдова, профессорша, пенсионерка. Муж умер, сын в Испании по контракту. Он физик. Она тоже сейчас в Испании, у нее там, кроме сына, куча родственников еще со времен их гражданской войны. Улетела она второго мая – мы это установили.

– А каким же образом этот уголовник Антипов познакомился с вдовой и стал ее съемщиком?

– Надо выяснить. Мы опрашивали соседей в Москве: те говорят, Прозорова вернется месяца через два-три, ключи им от квартиры оставила цветы поливать. Сын у нее то ли в Мадриде, то ли в Малаге... Видимо, она сдала дачу на время отъезда. Но кому? Самому ли Гранту? А ведь он тут и жить-то собирался всего день-два. Такие люди, Катя, на месте не сидят.

– Это я знаю, – она кивнула с достоинством. – Может быть, он и потом хотел сюда возвращаться, ну после своих других дел... А ты знаешь, сейчас для того, чтобы дачу снять, не надо предварительно ни с кем лично знакомиться. Звонишь в фирму по недвижимости или даже проще – берешь «Из рук в руки», выбираешь нужное направление – Казанская там, Октябрьская дорога, находишь подходящий вариант, и привет. Сошлись с владельцем в цене – считай, что снято.

Колосов не спорил. В Катиных разглагольствованиях его внимание привлекло только «нужное направление». Грант действительно выбирал кратчайший транспортный маршрут от места убийства до своего логова. И сделал все это явно заранее. Но вот сам ли? Или все же клинья к старухе-профессорше подбивал кто-то другой по его заданию? Не наш ли знакомец Акула?

– Пошли за дом. Там есть кое-что, что тебе не мешает увидеть, – сказал он.

Кровь на заборе уже почернела и напоминала зловонный густой лак. И снова летали мухи... Катя молча смотрела на пятна.

– Следы здесь, здесь и вот тут. А тело, когда мы на него с Ренатом наткнулись, лежало здесь, возле угла сарая.

– Знаешь, Никита, ты мне все-таки толком расскажи, что вы тут обнаружили. А то я чувствую, что ты чего-то недоговариваешь. Если Антипову сломали шею, почему же тут столько крови в разных местах? Тут бог знает что вообразить можно.

Колосов помолчал, а затем продолжил свой рассказ. Уже более не колеблясь, он упомянул о посмертной ране на горле Гранта. Не далее как вчера вечером ему снова звонил по этому поводу судмедэксперт Семен Павлович. Звонил, чтобы сообщить, что заключение готово. Но голос при этом у него был какой-то странный – неуверенный, что ли? Это Колосова удивило: чтобы Палыч, который собаку съел на этих жмуриках, и в чем-то вдруг начал сомневаться...

– Значит, пистолет выпал из руки Гранта? – уточнила Катя, когда Колосов умолк. – И он даже не успел из него выстрелить?

– Вряд ли он сразу собирался стрелять, Катя. Думаю, что-то привлекло его внимание. Не напугало, нет, так я прежде думал, а сейчас отказался от этой мысли. Если бы Антипова что-то всерьез напугало или насторожило, он бы в доме засел и сразу начал палить из всех стволов, либо сделал ноги к своей тачке, чтобы смыться отсюда. А он просто вышел во двор взглянуть. А пистолет при нем всегда, так что...

– Но он же... как это у вас говорится? Успел обнажить ствол, – Катя блеснула познаниями псевдожаргона. – Значит, что-то все-таки его встревожило и он готовился к отражению нападения.

– Господи, да Грант даже на унитаз не садился без своей пушки, – хмыкнул Никита. – Вторая натура это у них – с оружием нигде не расставаться. Скорей всего дело было так: он что-то заметил или услышал и захотел выяснить, что это. Вышел во двор и направился вот сюда за дом и...

– На дворе ночь была глухая, ты сказал его убили около трех? Выходит, Антипов не спал?

– Дом мы осмотрели. В гостиной – диван, на нем куртка его и подушка смятая. Возможно, он и дремал там вполглаза. У вдовы тут все в ажуре – посуда, постельные принадлежности, но Антипов ничего не тронул. Он тут долго рассиживаться не собирался, Катя. Думаю, утром уже хотел съехать.

– Почему ты так в этом уверен? Может быть, он планировал здесь дольше задержаться, пока не уляжется шум вокруг убийства. – Катя начала снимать забор и сарай. – Если Антипов что-то увидел во дворе, то только отсюда. – Она указала на стекла веранды, завешанной соломенными матами. – Сквозь щели, наверное... А ты не узнавал, улица фонарями освещалась в ту ночь или нет?

– Нет. А насчет уверенности... На столе мы обнаружили остатки его жратвы: сплошь вакуумные упаковки – ветчина, суп быстрого приготовления, рыба-форель, хлеб, кофе в пакете. Он взял себе харчей ровно на сутки. И потом он собирался...

Но тут Колосов осекся. Насчет версии совершения убийства Михайловской ОПГ Кате пока знать незачем. Халилов уже начал проверять предположение о том, что михайловцы, на словах обещая расплатиться с наемником в ближайшие сутки после убийства, на самом деле приготовили ему кровавую ловушку. Люди Халилова к этой версии уже подключились. Но пока нет результатов, упоминать об этой версии рано.

– Я все пытаюсь представить себе, как это случилось. – Катя наклонилась и осторожно дотронулась до пятна на заборе. – Ты говоришь, эти пятна не могли образоваться от того, что кровь брызнула из раны... Слишком далеко расположены были от трупа... Но тогда получается, что убийца намеренно наследил. Только вот как ему все-таки было неудобно орудовать – низко, надо наклоняться в три погибели. Я, конечно, не коротышка, – она оглядела свой 175-сантиметровый рост, еще увеличенный толстенными модными каблуками. – Может быть, правда, тут недомерок орудовал, но все равно нелогично как-то... Жаль, что нельзя сразу установить, сколько людей было на месте происшествия. – Мысли ее чередовались весьма непоследовательно. В то же время она деятельно занималась какой-то странной гимнастикой: то наклонялась, то садилась на корточки – легко, несмотря на свои габариты, складываясь чуть ли не пополам. Колосов только диву давался: спортивной ее особенно не назовешь, как это она умудряется не терять равновесия на своих каблуках?

Вот она опустила в траву, встав на одно колено.

– Нет, все это неудобно. Он не мог так перемещаться тут. Тянулся к забору рукой и... Никит, ты меня извини за неэстетичные позы, но мне кажется... Смотри, если труп лежал здесь, а пятна тут и вот тут наверху, однако недостаточно высоко для... Представь, вот я стою на коленях возле тела, тянусь, тянусь сюда – и не достаю, даже если у убийцы рост больше. Тогда я опираюсь рукой вот сюда и...

Никита смотрел. Поза у нее, дай бог... Вид такой, что... Кое-кто за одну такую позу в тихом местечке при зашторенных от солнца окнах и мягкой кровати самое дорогое, быть может, отдал... Он быстро отвел глаза. Ч-черт! Кашлянул. Катя, вошедшая в экспериментальный раж, оглянулась. Мигом поднялась, отряхнула обтянутые лайкрой колени от травинки. Щеки ее покраснели.

– В такой позе есть что-то звериное, – сказала она. – До этого места на дровах и на заборе удобнее всего было дотянуться только вот так, встав на... четвереньки. Странно, правда?

Они помолчали. Катя деловито щелкала фотоаппаратом. Колосов злился на себя: приехал мозгами шевелить, думать-размышлять, а сам... Но ничего с собой поделывать не мог. Становилось только хуже. Если б был тут пруд какой или лужа – ей-богу бы плюхнулся, чтобы пыл остудить. У чекиста, когда он при исполнении, как говаривал дедушка Феликс, все должно быть в ажуре: холодная там головка, чистые ручки, а уж касательно иной анатомии...

– Теперь куда? – невинно осведомилась Катя. Надо же было хоть что-то спросить, а то он так странно на нее смотрел.

– В отдел. – Колосов решительно зашагал к машине. Катя поплелась следом.

В Раздольский ОВД Колосов ехал по двум причинам: надо было посоветоваться со Спицыным по организации в районе первоначальных поисковых мероприятий и дать ЦУ по кое-какой новой информации, вроде бы появившейся по этому делу.

Эту самую новую информацию не далее как вчера принес начальнику «убойного» его коллега из отдела по розыску без вести пропавших и установлению личности неопознанных трупов. Майор Егоров, дни и ночи проводивший за своим компьютером, считался в розыске ходячим справочником о том, кто пропал в области и Москве за истекший квартал, в какой стадии находится розыск, какие меры приняты и тому подобное. К начальнику «убойного» коллега пришел по личной инициативе, выполняя инструкцию: если в районе совершается убийство, то отдел по розыску без вести пропавших должен представить по этому месту все справки – имелись ли там пропавшие и неопознанные трупы. Поначалу сведения Егорова показались Колосову совершенно не относящимися к делу, однако потом...

Егоров сообщил, что в апреле, точнее даты установить не представилось возможным, в Раздольском районе пропал без вести некто гражданин Соленый Федор Григорьевич. Он проживал в коммунальной квартире в центре городка, состоял на учете в местной милиции как злостный дебошир, тунеядец и квартирный хулиган. Пропал он – точнее, просто перестал приходить в свою коммуналку – еще в начале апреля, но только спустя неделю соседи проинформировали об этом участкового. Все надеялись: завел, мол, себе алкаш, какую-то бабенку и переехал к ней, давая возможность отдохнуть от своих безобразий. Когда вышли законом установленные сроки, на пропавшего без вести завели дело. Колосов пометил фамилию алкаша в блокноте, но по его виду Егоров понял, что сделал он это лишь для проформы. Однако коллега уходить не собирался. Сел напротив Колосова, заглянул в его персональный компьютер, тут же нашел какие-то сбои в программе, а потом заметил:

– По этому вашему Раздольску вроде бы есть и еще кое-что.

– Еще? – Никита украдкой взглянул на часы – ему должны были звонить с минуты на минуту, но для посторонних ушей такой звонок не предназначался.

Егоров, однако, сидел как приклеенный.

– Не совсем вроде бы наше, но...

– Слушай, не тяни резину, а?

Егоров тянуть резину не стал. Поначалу Колосов слушал его вполуха, но затем...

Дело заключалось вот в чем: Егоров, человек чрезвычайно аккуратный и обязательный, имел привычку штудировать всю программу «Поиск», куда вносились без вести пропавшие, дела по которым велись не только областной милицией, но и правоохранительными органами всей страны. Короче, он «листал» министерскую программу, делал выборки, анализировал информацию.

– Вот взгляни: некий Яковенко Андрей Геннадьевич. – Он положил на стол Колосова фото-распечатку с компьютера, откуда глядел молодой мужественный блондин в тельняшке и камуфляже, с усиками и заметным шрамом над правой бровью. – Старший лейтенант. Сотрудник спецподразделения «Сирена». Пропал без вести тридцатого апреля сего года. В программе

есть все на него. Он за Центральным окружным управлением числился. – Егоров вздохнул. – Пропал парень. Картина такая: после сдачи дежурства в здании министерства на Житной примерно в 8.30 он убыл с места службы, а домой так и не вернулся.

– А где он живет?

– Недалеко, на Варшавском шоссе. Отец, мать, сестренка... Они люди ученые, сначала особо не волновались. В «Сирене» этой, сам знаешь, какая работенка – объявляют ЧП, мигом на вертолет и хоть в Грозный, хоть на Камчатку бросают. Спецподразделение «Сирена» было элитным министерским отрядом, специально созданным для борьбы с вооруженным терроризмом. Однако на следующие сутки, когда он так и не вернулся, родители позвонили начальнику Андрея. Ну и дело завертелось. В принципе его искали в основном по Москве, однако...

Колосов посмотрел на фотографию, затем вопросительно глянул на Егорова:

– Что-то с нашей стороны есть?

– В программе есть одна подробность насчет родственников. Так вот: бывшая жена Андрея проживает в Раздольске. Они в разводе уже полтора года. Там есть информация, что ее опрашивали местные сотрудники – им ориентировка пришла, и товарищи Андрея – они тоже в его поиск активно включились. Однако никто ничего не узнал, жена все отрицала. Ваше убийство, конечно, никакого отношения к этому не имеет, хотя... Я слышал, вы там при осмотре кое-какие странности выявили. – Егоров помолчал. – Это я тебе для расширения кругозора, Никит. Если предположить – двое в этом дачном местечке за один месяц и... Словом, будешь в Раздольске, поймей в виду: а вдруг это место, где у нас люди пропадают?

Эта косноязычная и туманная фраза звучала в устах Егорова весьма многозначительно. Однако соглашаться с такими голословными предположениями Никита не собирался: с одной стороны, Сладких, Грант, заказуха, с другой, эти без вести пропавшие... Какая тут может быть связь? И потом, даже факт смерти их пока точно не установлен – трупы-то до сих пор не найдены. Так что...

Однако по инструкции он был обязан организовать проверку любой, даже, возможно, ложной информации по делу. Поэтому он связался со Спицыным, и тот пообещал поручить участковому снова навести справки по делу и Соленого, и Яковенко: повторно допросить соседей алкаша и бывшую жену сотрудника «Сирены».

В Раздольском отделе, а они добрались туда уже в пятом часу, Катя сначала оказалась предоставленной самой себе: Никита заперся в кабинете с начальником ОВД – он и Спицын явно секретничали. Она терпеливо дождалась в дежурной части. Минут через пять туда заглянул пришедший с улицы молоденький лейтенантик – худенький, как тростиночка, в пилотке, лихо сдвинутой набекрень, новеньком мундире и с планшеткой в руках. Типичный участковый. К нему тотчас же ринулись две гражданки, караулившие в коридоре. Катя от нечего делать прислушалась к их разговору. Тетки громогласно жаловались на то, что у одной похитили мелкий рогатый скот – козу, а у другой несколько куриц. Они требовали от участкового, чтобы «наглому разбою был положён конец, а к вору-подлецу приняты меры».

– Уж не первый случай у нас на Мебельном! – кричала одна. – Вон у Базыкиных тоже коза пропала, а у Сидоровых кролики! Только они богатые у нас, жалиться к вам не пошли. А мы с Настенкой – бедные, одни пацанов растим, для нас и курица – ущерб значительный. Так что, дорогой товарищ, будь добр, меры принимай... А уж если ваш беззубый закон не позволяет к этому вору статью какую подвести, скажи нам, мы с ним по-свойски, по-деревенски посчитаемся.

– Все наш закон позволяет, дорогие гражданочки, и меры и контрмеры, – морщился участковый. – Только скотинка-то ваша того... Кому она нужна-то, Господи? Сама куда-нибудь убрела. А ведь тут дело возникнет, вы вдумайтесь. Уголовное дело! Ответственность, морока занятым людям, и, тьфу, по такому пустяку – коза, видите ли, испарилась!

– Моя Маруся мне пять литров молока давала, – взвилась одна из теток. – И убечь сама никуда не могла – к колышку, зараза, была привязана. Я ее на травку пустила, а вы... Если не примешь заявление – к прокурору пойдем!

– Что за люди! Давайте уж, – участковый сунул бумаги в планшетку. – Мне только живность вашу искать сейчас. Тут у нас дела серьезные – убийство в районе, небось слышали, а вы с такой мелочевкой...

– Коза моя была источником дохода целой семьи. У меня двое вон мал мала. Ты, что ль, им теперь молока отдоишь? У тебя и доилка небось еще не выросла!

– Но-но, – лейтенантик вспыхнул до корней волос. – Без оскорблений при исполнении.

Катя отвернулась, чтобы его не смущать. Мда-а, кражи скота в сельской местности. Как-нибудь надо тиснуть по этому поводу статечку в «Сельскую жизнь». Для этого молодца, конечно, подумаешь, коза, а для деревенских...

В дежурку заглянул Колосов, и участковый тут же выпроводил назойливых жалобщиков восвояси.

– Как поручили – все исполнил, товарищ майор. – Он достал из планшетки блокнот. – У всех был, со всеми беседовал. Тут вот показания соседей Соленого. А тут... Жена Яковенко Ганичева Лидия Александровна, семидесятого года рождения, местная. Но она ничего о муже своем бывшем сообщить не может. Плачет только, – он вздохнул. – Она сейчас не в Раздольске с родителями живет, как в ориентировке указано, а на Мебельном.

– На Мебельном? – Колосов нахмурился. – И давно?

– Полгода уж как. Бабка у них померла, дом там оставила. Ну, Ганичева туда и переехала. Работает она в Павлово-Посаде. Ей до станции на электричку ближе с Мебельного – через лесок, и там. С мужем бывшим, с этим Яковенко, в тот день, тридцатого апреля, говорит, они не виделись. Он ей звонил на Пасху. Ну и все.

– А почему они развелись, не спрашивал?

– Спросил. Говорит, ей его работа обрыдла. Дома почти не бывал, получал мало. Она его все куда-нибудь в охрану устроиться просила, а он органы бросать не хотел, ну и конфликтовали... Не фронтовая подруга, в общем, эта гражданочка.

– Яковенко мог знать, что она на Мебельный переехала?

– Конечно. Он же ей звонил. А потом он же сам ее со всем бараклом туда и перевез – у него «москвичок» родительский, ну помог бывшей супруге.

Катя слышала их разговор и ничего не понимала: это кто еще такой – Яковенко? И почему это Никита при упоминании Мебельного поселка так насторожился? Правда, спроси она его – он бы и сам сейчас не ответил. Может быть, его встревожил тот факт, что Мебельный, где проживала жена пропавшего без вести, располагался всего в пяти километрах от Половцева, где столь странным и диким способом замочили Антипова? Ну что из того? Что из всей этой пестрой мозаики вытекает?

Явно, что пока не вытекало ничего. Но Колосов все же заметил:

– Ты вот что, лейтенант... Это дело серьезное. Без вести пропал наш коллега, брат по оружию. Так что приложи максимум, понял? Поспрашивай на Мебельном, на станции, ну и вообще... Фото вот это покажи. Парень Яковенко был рослый, видный, а вдруг...

– Есть, – участковый кивнул. По его серьезному насупленному виду Катя поняла, что пропавшего без вести этот молодец будет искать с гораздо большим рвением, чем каких-то там коз.

– Ну, теперь в морг. – Колосов взглянул на Катю, потом на наручные часы: рабочий день окончился – 18.00. Однако судмедэксперта Семена Павловича можно было застать в отделе экспертиз, находившемся при морге районной больницы, и в гораздо более позднее время.

– Никит, а ты мне не хочешь объяснить, что все это значит? – В машине Катя, помалкивавшая до сих пор, ринулась в атаку. – Ты меня взял с собой, а я тут как дура – ничего не знаю, не в курсе. Это не честно. Мы не так договаривались.

– Мы договаривались, что ты не станешь морочить мне голову со своими газетами, – буркнул Колосов. – А я тебя возьму с собой. И все. Слушай и смотри. И запоминай.

– Но хоть скажи, кто такой Яковенко!

Он встретился с ней взглядом. Когда требовалось, Катя умела смотреть на мужчин «как надо». И он скрепя сердце подчинился – нет, не капризному тону, не ее настырному любопытству, а этим вот глазам... Бог мой, зачем ты дал женщинам, к которым мы «ну очень хорошо относимся», только не решаемся им в этом признаться, такие вот глаза, такие...

Катя слушала его краткий сухой отчет и злилась: информацию выжимает из себя по капле. И даже не взглянет – смотрит себе остолбенело на дорогу. И главное, ничегошеньки не объясняет! Думай сама – легко сказать. При чем это в деле о заказном убийстве бывшего депутата и убившего его киллера какие-то еще пропавшие без вести? Соленый – алкоголик, этот бедняга... Жалко парня. Раз столько дней нигде не объявился – значит, труп, чудес не бывает. Царствие ему небесное. Но пропал-то он в Москве, а Никита...

Однако трещать о том, что «ей все равно ничего не ясно», она поостереглась: Колосов и так хмурый, как туча, нечего его раздражать пустой болтовней.

Она даже вздохнула с облегчением, когда они въехали во двор больницы: может, тут, у патологоанатома она услышит что-нибудь полезное для будущей статьи. Вообще-то к моргам, несмотря на годы службы в милиции, Катя относилась очень беспокойно и при малейшей возможности старалась таких визитов избегать. К счастью, судмедэксперт – крошечный, гномьего вида старичок в очках и белом халате – принял их не в анатомическом зале, препарируя бездыханное тело. Катя страшилась именно этого, у нее аж коленки подгибались, когда Колосов вел ее к одноэтажной пристройке на задворках больницы, пропахшей формалином и хлоркой.

Семен Павлович принял их в своем кабинете, тут же гостеприимно включая чайник в розетку: «Вы, молодежь, с дороги, пожалуйста, чайку с лимончиком, вот печенье курабье...»

Катя скромненько угнездилась в углу. Пока она пила чай, Колосов внимательно изучал заключение судебно-медицинской экспертизы тел Сладких и Антипова, подготовленное Палычем для прокуратуры. Потом передал листы Кате. Она тоже все внимательно прочла. Итак, смерть Антипова наступила... смерть Сладких наступила... Входящее пулевое отверстие... выходящее... та-ак... поражение левой лобной доли мозга...

Игорь Сладких умер почти мгновенно – ранение в голову, он даже выстрела не успел услышать. А вот его убийца – Грант... Что у него? Перелом шейных позвонков... укушенная рана языка... гематома в области спины, в области правого предплечья... рваная рана диаметром... разрыв гортани, разрыв сонной артерии...

Она хотела было уже задать уточняющий вопрос, но Никита ее опередил:

– Семен Павлович, а механизм образования этой рваной раны на горле какой, по-вашему?

Судмедэксперт задумчиво жевал печенье.

– Каким предметом причинено это повреждение, я, право, затрудняюсь сказать. Однако достаточно необычным. Понимаете, мягкие ткани буквально вырваны. Кстати, фрагменты их мы нашли неподалеку от тела еще на месте. Создается впечатление, – старичок покосился на Катю, – что намеревались перервать именно сонную артерию, однако площадь захвата кожных покровов оказалась достаточно обширной: рана в поперечнике – я указал в заключении – больше шести сантиметров. И сила должна быть приличной, чтобы вот так рвануть плоть.

– А сколько человек, по-вашему, напало на Антипова? – вмешалась Катя.

– Сзади напал один. Для потерпевшего это оказалось полнейшей неожиданностью. Думаю, применили какой-то специальный боевой прием: захват, резкий поворот шеи вправо и рывок вверх.

– Значит, шею ему один ломал, а остальные могли при этом присутствовать, подстраховывать. – Колосов забрал у Кати заключение и вернул экспертизу.

– Никита, а вы не передадите это Касьянову сами? – спросил тот. – А то он звонил, просил поскорее, а у них вроде курьер в прокуратуре на бюллетене. И тогда вот это тоже ему передайте.

– А что это? – Колосов смотрел на аккуратно запакованный маленький бумажный конверт, подколотый к документам.

– Это обнаружено мной при повторном осмотре тела Антипова. Это волосы.

– Волосы?

– Именно. Я изъял их с брюк и правого рукава куртки Антипова. Вряд ли они принадлежат убитому – он коротко стрижен и брюнет. А волосы эти длиной около пяти сантиметров и гораздо светлее. И структура их... Словом, я все документально оформил, пусть Касьянов вынесет собственное постановление, и направляйте в ваш ЭКО на Варшавку. По волосам, увы, я не специалист.

Когда они покинули кабинет патологоанатома, уже смеркалось. Катя смертельно устала за этот суетный день. Вроде бы и не делала ничего – а вот... От бензина и тряски на ухабах подмосковных дорог разболелась голова.

– Ну что примолкла, Катерина Сергеевна? – осведомился Никита, закуривая и выпуская дым в окно, когда они отъехали от Раздольска добрый десяток километров.

– Пытаюсь осмыслить то, что увидела.

– Ну и?

– Ты сказал: в этом деле что-то не так. Я думаю, Никита. А это такое утомительное занятие.

– Сейчас ты знаешь по этому делу ровно столько, сколько и я.

«Как бы не так, – подумала Катя. – Ты, голубчик, знаешь самое главное: почему вы так уверены, что Сладких убил именно Грант. Кто сделал заказ на это убийство, на кого Грант работал. Вот это и есть, наверное, самое основное в этом деле, от этого нужно все версии выстраивать».

Она не подозревала, что шкала интереса в этом деле по некоторым причинам для начальника отдела убийств внезапно резко сдвинулась. После посещения сегодня Раздольска эта самая неуловимая, но весьма настойчивая уверенность: что-то не так в этом деле – еще больше усилилась. Но выводы было делать пока рано.

– Мне надо уточнить у тебя еще кое-что. Сегодня голова уже не варит. Когда завтра мне к тебе подойти? – спросила она, вздохнув.

– Как только, так сразу. Как день начнется, как карты лягут, но видеть тебя буду рад... возможно. – Он полуобернулся. – Что, жалеешь, что время на меня угробила?

– Ничего я не жалею. Просто удивляюсь: как ты так работаешь, словно заводной, целые сутки – по области туда-сюда... И вроде бы даже не слишком изможденный на вид. Нет, вы, мужчины, все же выносливые и сильные создания.

Он ничего не ответил ей на это глубокомысленное замечание. Может быть, это был тайный комплимент с ее стороны? Он, правда, предпочел бы, чтобы она оценила его силу и выносливость в совершенно иной ситуации, ну да...

– Ты меня высади не у дома, а у во-он того магазинчика, – попросила Катя, когда они уже подъезжали к ее родной Фрунзенской набережной. Он молча повиновался.

– Пока, – попрощалась она легкомысленно. – До завтра, Никита.

Он мигнул на прощание фарами. Катя быстро шмыгнула в темный двор: боже, на часах половина десятого, не хватало только того, чтобы Кравченко увидел ее в обществе Никиты! По

вечерам он совершал свою традиционную пробежку по набережной. То-то звону будет, то-то скрипу и претензий. Она знала: друзей ее связывали весьма сложные отношения. Мещерский, например, не только общался с Колосовым, но даже дружил с ним. В том памятном для всех них деле они даже здорово помогли друг другу. А вот Кравченко про начальника «убойного» слышал лишь с их слов, напрочь отвергая идею о личном общении. И не упускал случая отпустить в адрес Никиты какое-нибудь дерзкое и ядовитое замечание.

Поднимаясь в лифте на пятый этаж, Катя размышляла, что бы такое правдоподобное соврать Вадьке насчет своего позднего возвращения домой. Дразнить его Колосовым ей не хотелось. Она твердо решила быть с «драгоценным В. А.» особенно нежной: ведь он улетал в среду – ах-ах! И в их распоряжении оставались лишь эта ночь, день, наполненный заботами, и еще одна ночь, такая короткая, весенняя.

Глава 7 ВОЙНА

Однако запланированное на завтра «уточнение» сорвалось: за эту неделю Катя так и не застала больше Колосова в рабочем кабинете. Что ж, ей не привыкать к неувимости начальника «убойного» – и она занялась текущими делами. А все мысли вертелись вокруг разлуки с Кравченко. Эти семь дней вообще показались ей ужасно длинными, занудными и серыми. Чего нельзя было сказать про Колосова: в розыске давно уже не выпадало более сумасшедшей недели.

Итак, с понедельника по вторник в Главке проходила областная коллегия, где начальство с размахом снимало с подчиненных стружку. А в среду грянула война. «Война» означает острый конфликт, вспыхнувший в каком-либо из районов, который оказался предметом раздела сфер влияния преступных группировок. Гасить «войну» – занятие опасное и неблагодарное. Запросто пулю можно схлопотать от осатаневших разборщиков.

Обычно колосовские коллеги по управлению гасили подобные конфликты согласно плану «Арсенал» максимально жестко и оперативно: чем меньше выстрелов прозвучит, тем лучше.

На этот раз в «убойном» отделе были заинтересованы в том, чтобы во время разборки никто из крутых не пострадал и все кончилось мирно и тихо, ибо на этот раз одной из конфликтующих сторон в «войне» выступали члены Коломенской ОПГ, по одной из версий прямо подозреваемые в убийстве Антипова. Коломенцы нужны были сыщикам живыми – с мертвых какой спрос?

Если честно, Никита такому неожиданному повороту событий был даже рад: на ловца и зверь. А то ищи этих коломенцев с фонарями по всей области. А тут – вот они. Вышли из подполья, чтобы сразиться с «кавказами» за контроль над вещевыми вьетнамскими ярмарками у Кольцевой автодороги.

В последнее время коломенцам что-то не везло: на них жали со всех сторон – и конкуренты по разбою, и милиция. Часть братков уже крепко сидели, а часть отчаянно пытались отвоевать у недоброжелателей хотя бы призрачную иллюзию прежнего уважения и престижа.

Как сообщал очень умный, но весьма косноязычный источник, «коломенцы и кавказы собирались забить стрелку» у железнодорожного разъезда в полукилометре от Кольцевой.

Объявлялась война грозно, но закончилась быстро и бесславно: когда к сборному пункту в назначенный час нагло подружили с разных концов шоссе порядка двенадцати иномарок, сидевшие в них «бойцы» заметили, что они на разъезде не одни. Но удрать никто не успел: на этот раз милиция провела операцию молниеносно и демонстративно устрашающе, задействовав все имеющиеся в своем арсенале силы и подразделения.

И вот минут через пять выволоченные из своих иномарок обезоруженные и уложенные лицом в траву братки уже получали строгое внушение насчет того, кто же истинный хозяин на этом участке. Колосова из всей этой поверженной кучи-малы интересовали всего несколько персон: те из коломенцев, кто действительно мог что-то реально знать по интересующему его вопросу. Но внезапно дело осложнилось.

Один из постов ГАИ передал по радиации, что примерно в двух километрах от разъезда, в лесном массиве Узкое, слышатся интенсивные автоматные очереди: видимо, часть опэгэшников и с той, и с другой стороны не явились на стрелку, а сошлись для выяснения отношений в ином месте. Возможно, это был какой-то заранее запланированный обманный трюк.

Не теряя времени, Колосов ринулся на машине к месту кровавого действия. Рядом с ним был его постоянный напарник, старший оперуполномоченный его отдела Валерий Королев. В

Узком они, однако, застали уже «пейзаж после битвы». На обочине шоссе – пробитый очередью джип. В кювете – второй джип, объятый пламенем, а в нем двое убитых. ГАИ и РУОП, прибывшие на место, спешно бросились вдогонку за победителями: видно было по всему, что коломенцам снова не повезло.

Внимание Колосова привлек лежавший в ста метрах от догорающего джипа человек в грязном, некогда шикарном и дорогом сером костюме с металлическим отблеском. Человек этот был тяжело ранен: обе его ноги были раздроблены автоматной очередью.

Никита заглянул раненому в лицо: молодое, одутловатое, закушенные от боли губы. Знакомый, хотя и узнать по этой страдальческой гримасе трудно: Гусев Витя, более известный в определенных кругах как Крыша. Отчего этому юному франту уголовники дали такое «строительное» прозвище – это была отдельная история.

Сраженный пулями конкурентов, Крыша истекал кровью. Простреленные ноги – одна из излюбленных бандитских меток. Из человека получается полчеловека, потому что характер ранения таков, что часто бывает нужна срочная ампутация конечностей. Колосов хорошо помнил, как год назад мытищенская братва таким же способом рассчиталась с Игорем Прохоровым – лидером банды, совершившей на Ярославском шоссе несколько разбойных нападений на водителей большегрузов. Прохорова расстреляли в лесу в двадцатиградусный мороз, перебили ноги и бросили умирать. Около двухсот метров он еще сумел проползти по лесу, как полураздавленная ящерица, оставляя за собой на снегу красный след. «Какая жуткая смерть», – говорили об этом случае те, кто выезжал на место осматривать его окоченелый труп.

Крыша, однако, умирать не хотел. Когда Колосов, стараясь не причинять ему лишней боли, повернул парня к себе, тот застонал, веки его дрогнули. Секунду он смотрел на Никиту и узнал его, было дело – они встречались, и не однажды. – А-а, ты... – прошептал он еле слышно. – Я честно хотел... один на один, чтобы... обмен мнениями... А они, Аслан, гнида, гранату бросил... Мне ноги оторвало? Оторвало, скажи?!

– Целы пока еще твои ноги, пулевое у тебя, – ответил Колосов и подозвал напарника: – Подгони машину, довезем этого до больницы, а то пока «Скорая» доедет, он истечет...

Королев посмотрел странно: Крыша был бандит из бандитов. Хоть и молодой, однако пробы негде ставить: великий спец по вымогательствам и вышибанию денег с несговорчивых клиентов. Миндальничать с таким, доведись его задерживать с оружием в руках, Колосов никогда бы прежде не стал, а тут... Однако с начальством Королев спорить не стал и подогнал машину.

В машине за руль на этот раз сел Королев, а Никита устроился сзади, поддерживая раненого, кровь которого залила весь салон. Крыша несколько раз терял сознание. Из его обрывочных полубредовых фраз сыщики поняли: коломенцы попались в хитрую ловушку. Крышу и его напарников конкуренты расстреляли в тот миг, когда те готовились к «честному обмену мнениями».

Колосов связался по радиотелефону с отделом и попросил, чтобы в палате раненого выставили круглосуточную охрану. Они с Королевым помогали двум санитарам укладывать Гусева на носилки в приемном покое. Крыша пришел в сознание, и Королев этим воспользовался:

– Ну, Витюша, ежели не встретишься сегодня с господом богом, а точнее, с чертом, если выкарабкаешься – помни, кому ты жизнью обязан.

Гусев закрыл глаза. Он был белый как полотно от потери крови.

На обратном пути Королев что-то ворчал о «пижонском милосердии» и о том, что «он в нас, доведись вот так местами поменяться, разрядил бы всю обойму и глазом не мигнул». Никите не хотелось втолковывать товарищу, что прилагательное «пижонский» применительно к слову «милосердие» ему совершенно не нравится. Но «добреньким» прослыть ему тоже не хотелось, и поэтому он буркнул:

– Он нам живой полезен. Думаю от него информацию получить: числится Грант за ними или нет. И если не числится, то...

– Как же, жди-жди от такой информации. – Королев слыл в управлении розыска неисправимым скептиком и пессимистом.

Крыша ноги сохранил. Точнее, **почти сохранил**. Врачи сделали все возможное: собирали раздробленные кости по мельчайшим осколкам. Хирург-травматолог, оперировавший Гусева, честно признался Колосову: «Сделали мы, конечно, все, что от нас зависело, но... Видимость это одна, а не ноги. Даже в качестве подпорок вряд ли сгодятся, просто вещь, на что брюки надевать». – «Значит, парень не сможет ходить?» – спросил Никита. «На костылях кое-как. Доигрались в свои кастеты-пистолеты, дострелялись. Ведь такой молодой – мог жить да жить...»

Когда Гусев пришел в себя после наркоза, то сначала долго не мог понять, где он и что с ним. К концу недели он кое-что начал соображать, и врач разрешил Колосову краткую беседу. Их разговор с Крышей, который начальник «убойного» предусмотрительно записал на диктофон, оказался примерно следующим.

Крыша (еле-еле шевеля губами от слабости): А-а, снова ты... Должок тебе... верну... при случае...

Колосов (назидательно): Тебя здесь из этих твоих барбосов никто не достанет. Не беспокойся. Теперь ты под нашей «крышей». И думаю, надолго.

Крыша: Значит, у вас я... Обрадовал, майор, называется... Подождать не мог... Так... каждый дурак... взять сможет... Ты бы попробовал... сам меня... как в тот раз... помнишь?

Колосов: Помню, не забыл. Жить, врачи говорят, будешь. И на свадьбе своей, может, еще спляшешь.

Крыша: Телок не люблю... за глупость и жадность... и за мак-кияж... А насчет танцев... Тут вчера один твой приходил... все вокруг меня ламбаду танцевал... все внушал мне, как пламенно и кому я благодарен должен быть за то, что житуху мне спасли... Все про тебя зудел – если б, мол, не Никита Михалыч...

Колосов понял, что у Гусева побывал неугомонный Королев с целью «подготовить почву для визита».

Крыша: А ты ко всем, майор... такой добрый?

Колосов: Только к тебе.

Крыша: Я тоже бываю добрым... малым... Так чем же благодарить тебя, майор, а?

Гусев, как некогда Акула-Карпов, тоже не был дураком – все распрекрасно понимал. Колосов глядел на его ноги, закованные в гипс. «Вещи», годные только на то, чтобы брюки надевать...

– Кого же продать тебе в благодарность? – тихо спросил Гусев. – Зачем пришел?

Дальше ломать комедию уже не было смысла.

– Я хочу знать только одно, Гусев. Неделью назад на одной даче замочили Гранта. Это ваша работа? Да или нет?

Что-то промелькнуло в глазах Крыши. Потом он усмехнулся:

– Так я тебе и сказал... Думаешь, раз вытащил меня с отключки, так уж я тебе и... оближу? – Он длинно выругался. Голос его был прерывист и слаб, и мат звучал не грозно и раскатисто, а жалко и бессильно. – Не так я благодарность свою понимаю, майор... Не та-ак... И знаешь что? Ты лучше уходи... проваливай... я своих не продаю... даже из благодарности, понял? Не так воспитан мамочкой... как ты обо мне думаешь...

Крыша явно замыслил одержать моральную победу в этом допросе-беседе. И оказаться на высоте, посрамив мента, посмеявшего только намекнуть ему, Крыше, на возможность добровольной выдачи подельников. «Победа», однако, не совсем удалась.

В тот миг, когда Гусев и Колосов молча сверлили друг друга взглядами, как два кота перед дракой, в палату невозмутимо вошла пожилая нянечка, прошествовала к кровати Гусева, откинула одеяло и подсунула под Крышу судно.

– Время на горшок ходить, парень, – напомнила она. – Сходишь – позовешь или ему вон скажешь, – она кивнула на Колосова. – Это сродственник, что ль, твой?

Гусев стиснул зубы. Колосов поднялся.

– Прощай, Виктор, – впервые он назвал Гусева по имени. – Может, еще свидимся когда-нибудь.

Крыша помедлил, потом молча кивнул.

– А ты думал, так он тебе все и выложит на блюдечке с голубой каемочкой? – Королев охотно поддержал свою репутацию скептика, когда вечером они обсуждали неутешительные результаты этого неуклюжего прошупывания коломенского лидера. – Это ж гусь, скотина неблагодарная, бандит недорезанный! А ты его на руках до машины пер, сиденья вон все в тачке его поганой кровью изгадил – теперь небось выходной угробишь целый на отмывку. Эх, да была б моя воля... Ничего он нам не скажет, даже если и не загнется, и не мечтай, и не рассчитывай на это. С такими только на их собачьем языке разговаривать можно, они только кнут и понимают.

Колосов слушал и не спорил. Что проку? Конечно, глупо было рассчитывать... Признательность Крыши – не звучит. Хотя в какой-то момент все же показалось, что они сумеют найти общий язык. Ну да, видно, промашка вышла, что ж... Ясности по «коломенской версии» не прибавилось. Впереди по ее проверке теперь маячила нудная рутинная работа: разработка задержанных во время разборки соратников Гусева, пока они находились в СИЗО. Самого Крышу планировалось перевести в тюремную больницу. Королев проследит, чтобы в палате «безноженька» не оказался без соответствующей компании. Если расчет на признательность крутого не оправдался, возможно, негласные методы работы что-то принесут новенького, а впрочем... Впрочем, возможно, коломенцы – версия совершенно неперспективная. Сожженный джип, автоматная очередь, брошенная граната – это как раз для таких, как Гусев и компания. Пригодно это и для их «коллег» – Михайловской ОПГ. Но разорванное горло, сломанная шея, облитый кровью забор, какие-то там волосы... И все-таки, если Гранта убрали не крутые и не какие-то там мифические цыгане, если Гранта прикончил кто-то неизвестный по неустановленному пока еще мотиву, что тогда? С чем придется столкнуться? Вернее, с кем? И с какого конца разматывать этот клубок, решать это уравнение, где одни лишь иксы и игреки?

В тот вечер свет в колосовском кабинете горел допоздна. Дежурный по розыску даже подумал, что начальник отдела убийств заступил на сутки. Колосов сидел над крупномасштабной картой Раздольского района, изучал ее квадрат за квадратом. Да, окрестности Половцева не столь уж и многолюдны. Тихие дачные места: поселки Уваровка, Лушино, Грачево, Сергеевка, Мебельный. А вот и цыганская новостройка, два бывших пионерлагеря, ныне закрытых на ремонт, база отдыха «Отрадное», ее, кажется, кто-то арендует – берега Клязьмы, территория, некогда принадлежавшая Министерству водного транспорта. Сейчас там все в запустении. Вот, пожалуй, и все места, где можно укрыться этому НЕИЗВЕСТНОМУ ФИГУРАНТУ ПО НЕ СФОРМУЛИРОВАННОЙ ДАЖЕ ЕЩЕ ВЕРСИИ УБИЙСТВА.

А кругом – экологически чистая зона: лесной массив, раскинувшийся до самых границ Владимирской области. Не много в Подмосковье найдется мест, где сохранились такие нетронутые уголки.

Колосов отодвинул карту. Лес он и есть лес – отрада грибников, убежище зверья всякого. А оперу вроде бы в таком безлюдье делать нечего. Какого еще лучшего искать в этом буреломе?

Глава 8

ПСОВАЯ ОХОТА

Для Кати время со вторника по пятницу тянулось бесконечно долго: Кравченко в среду взмыл в небеса яко голубь – рейс из Шереметьева-2 Москва–Вена, и в Катиной квартире на Фрунзенской набережной сразу же воцарилась пустота и скука. Весь четверг Катя была целиком поглощена своими переживаниями, даже вспыхнувшая «гангстерская» война, о которой она прочла в сводке, ее не заинтересовала. Бог с ними, с этими криминальными дураками, – их много, а я одна, о всех писать – бумаги не хватит. О деле Сладких – Гранта тоже как-то не размышлялось. Любопытство и репортерский азарт меркли перед завладевшей сердцем печалью. Что поделаешь, если мир внезапно стал похож на голую пустыню, потому что из вашей жизни ненадолго улетучился человек, к которому вы равнодушны.

В конце концов, утомившись от всей этой меланхолии, Катя на себя рассердилась: хватит страдать, вернется драгоценный В. А. – никуда не денется. К тому же он попрощался с ней, отнюдь не обливаясь слезами. Накидал столько поручений перед отъездом, только успевай поворачиваться – и то не забудь, и то купи, и туда не опоздай.

Самое неприятное поручение выпадало, как назло, на выходные – на субботу. И отказаться от этого поручения Катя никак не могла. Дело в том, что о необходимости посетить девять дней по Кириллу Арсентьевичу Базарову и передать его близким слова скорби и соболезнования от семьи Кравченко Катю попросил не кто иной, как Вадькин отец. Он позвонил по телефону, посетовал на разыгравшийся приступ желчекаменной болезни и попросил «великодушно», «если ей, конечно, не затруднительно», заменить его на поминках: «Сам не в состоянии отдать дань другу, Катюша. Вадим уехал. Придется вам – отвезите цветы и передайте на словах от всех нас... А то, если никто от нашей семьи там не появится, будет крайне неудобно и...»

Словом, Катя не могла ответить старику генералу отказом. Свекор был добр к ней. К тому же в семействе Кравченко весьма ревностно соблюдались все эти церемонии. Делать нечего – она согласилась ехать. К Базаровым на девять дней ехал и Мещерский – тот заменял свою бабушку Елену Александровну – подругу жены Кирилла Арсентьевича. От Мещерского Катя узнала, что тризну будут справлять не в московской квартире «патриарха», а на природе, на его даче в Уваровке, перешедшей теперь по наследству к детям. «Бог мой, в такую даль тащиться, к совершенно незнакомым людям», – ныла Катя. Когда же она узнала, что Мещерский собирается в Уваровку чуть ли не в восемь часов утра, это в субботу-то, когда сам бог велел нежиться в кровати до полудня, жалобам ее не было конца.

– Ничего не могу поделать, Катюша, – бубнил Мещерский в трубку. – Мы еще неделю назад со Степаном договорились, что я приеду. Полевой лагерь его школы сейчас на базе отдыха в «Отрадном» расквартирован, а это от Уваровки рукой подать. Степка мне кое-что показать хотел. Это, знаешь ли, важная деловая встреча. Если договоримся, они нашей фирме крупный заказ сделают на поставку снаряжения, так что...

Не тащиться же было в эту Тмутаракань на электричке – Катя вынуждена была согласиться ехать в такую рань. Ее так и распирало от досады: надо же какой делопут Сережка стал! Деляга несчастная – встреча у него, заказ...

В последний год Мещерский с головой погрузился в проблемы туристической фирмы «Столичный географический клуб», совладельцем которой прежде был лишь номинально. Чего они там только эти чокнутые географы не изобретали! Катя все ждала вести о неминуемом банкротстве Сережкиной фирмы, но он как-то ухитрился держаться на плаву. Вот только никаких доходов не было видно. Однако на все Катины упреки у Мещерского был один ответ:

«Мы пропагандируем нетрадиционный спортивный туризм. Конечно, не все у нас пока идет гладко, но у кого сейчас проблем нет? Я же работаю на перспективу, пойми. Ради нас всех. Чугунов – Вадькин босс – не вечен, сама знаешь, а к другому Вадим наниматься в эти самые телохраны не будет – сыт по горло, сам признается. А с нуля что-то свое начинать невозможно. Вот я и закладываю для нас базу на всякий пожарный. Ты погоди, вот мы сейчас с дайвингом развернемся, наладим контакты с африканскими фирмами, насчет полета на воздушном шаре идею обмозгуем, я тут прикинул, нет, ты послушай меня...»

Катя обычно только рукой махала на эти его «идеи». Раз уж Сереженька вбил себе в голову, что он второй Миклухо-Маклай – ничего не поделаешь. Надо терпеть.

Несмотря на всю свою неохоту и недовольство, к базаровскому визиту Катя подготовилась весьма тщательно. Придирчиво выбрала платье – хоть и жара стоит, а что-то легкомысленное на такое мероприятие не наденешь. Опустила на ночь цветы в ванну с водой. Розы стоили баснословно дорого, и денег Кате было безумно жаль, но нельзя, чтобы делегат от семьи Кравченко появился в базаровский клан с каким-то жалким венником.

С тяжким вздохом поставила она будильник на шесть утра. За день устала так, что казалось – коснись головой подушки, сразу провалишься в сон. Но не тут-то было. То ли духота была виновата, то ли пустая и гулкая темная квартира, только ей не спалось. И мысли какие-то лезли в голову... Вспомнился вдруг тот ветхий дом и запущенный сад, который они осматривали вместе с Никитой, и тот жасмин под окнами, и черные зловонные пятна на заборе... Там тоже было тихо, как в могиле: там побывала смерть. Катя заворочалась с боку на бок, взглянула на часы. Все-таки для чего Никита взял ее тогда с собой на место убийства этого киллера? И отчего она не ощутила того самого неуловимого «что-то не так в этом деле», которое явно все сильнее тревожило Колосова? Ведь прежде интуиция ее никогда не подводила... Катя крепко зажмурила глаза – надо спать. Из угла тут же выплыла чья-то страшная рожа с горящими желтыми глазами. Но Катя мысленно сказала кошмару «кыш» и начала старательно считать розовых слонов. Сон накатывал медленными плавными волнами.

Она и не подозревала, что один странный, неприятный и неправдоподобный кошмар уже караулил ее, только ожидая удобного случая, чтобы сбыться наяву.

Уже с утра начало сильно парить. В воздухе разлилось какое-то зыбкое марево: смог, пропитанный влагой будущего ливня. На горизонте маячили обрывки сизых лохматых туч. Освещенные солнцем, они казались предвестниками урагана. Катя испытывала беспокойство, глядя на них. Этот день – суббота 26 мая, переполненный самыми различными событиями, готовился закончиться грозой.

Мещерский прибыл на Фрунзенскую набережную в точно назначенный час. Он изредка поглядывал на Катю в переднее зеркальце: спутница уселась сзади, заботливо придерживая уложенный на сиденье букет влажных красных роз в хрустящем целлофане. Она казалась сегодня необычно молчаливой и задумчивой.

– Плохо себя чувствуешь, Катюша?

– Душно.

Мещерский нажал кнопку, опуская стекло со своей стороны, чтобы Кате не надуло в ухо. Потом заметил:

– Если ты волнуешься... Словом, о Вадиме не беспокойся. Долетел благополучно и позвонит при первой же возможности.

– Господи боже, – Катя фыркнула. – Сережа, разве я похожа на брошенную Пенелопу?

– Но тебя что-то беспокоит. – Мещерский пожал плечами: не хочешь – не говори.

Катя смотрела в окно. Беспокоит – это, конечно, сильно сказано, но... Нет, Вадька совсем тут ни при чем. О нем грустили со среды по пятницу – и баста. Сегодня утром, в субботу, когда она лихорадочно металась по квартире, собираясь в эту самую базаровскую Уваровку,

раздался телефонный звонок. Оказалось, что не спится Лизе Гинерозовой. Катя удивилась: прежде приятельница не давала о себе знать столь часто.

Лиза осведомилась, приедет ли Катя «на траур»: «Андрей Константинович звонил Владимиру Кирилловичу и сказал, что он не приедет, а ты...» Услышав положительный ответ, Лиза обрадовалась.

– Хорошо, что ты будешь, хоть одно живое лицо в этом мемориале. Наши к трем собираются, так я решила тебе заранее предложить, – тут в голосе ее появилась легкая заминка, – может быть, ты с нами поедешь? Меня Димка отвезет. Он заедет в офис, а потом по дороге захватит меня. Он сказал... если ты не возражаешь, то и ты с нами...

«Вот оно, значит, как», – подумала тогда Катя, а вслух ответила, что уже договорилась с Мещерским. Отчего-то ей не хотелось признаваться приятельнице, что они отправляются в эту Уваровку ни свет ни заря. Лиза, однако, не прощалась:

– На даче и поговорим. Мне, Катя, надо с тобой посоветоваться, но я бы хотела, чтобы ты сначала увидела все сама и... – тут Лиза снова запнулась. – В общем, это Степана касается. Я тебе начала рассказывать в прошлый раз. Он такой сложный человек, с ним порой так трудно, и я... В общем, мне нужен совет...

Путаные Лизины фразы и тон насторожили Катю. «Что там у них происходит? Так на Лизку все это не похоже. Повезет ее из Москвы близнец Дима. А где же горячо любимый жених? Отчего он о невесте не побеспокоится?» Она тогда сразу же сунула «блюбокеры» в сумку: «Отдам этому типу, и дело с концом. А то...»

Но что было «а то», Катя точно сформулировать не могла. Внимание Дмитрия Базарова к своей персоне она ощутила еще там, на Ваганьковском кладбище. Женщины в таких случаях никогда не ошибаются. Но это внимание ее не радовало, напротив – раздражало. Катя знала за собой грех: вечно кажется, что все вокруг в тебя влюблены. Ну и что ж такого? Помечтать, что ли, нельзя о приятном? Но вот амурные фантазии насчет этого отпрыска базаровского клана казались какими-то... В общем, Кате вдруг резко расхотелось ехать в Уваровку. А тут еще Лиза со своим унылым настроением. А тут еще Мещерский со своей приторной заботливостью...

Они выехали из города, оставив позади Кольцевую и километры нового недавно отремонтированного Старо-Русского шоссе. В каких-то местах – поворотах, поселках – Кате казалось, что она уже была тут, проезжала мимо, причем совсем недавно. Но она знала за собой и еще один грех: отвратительно ориентируется даже на знакомых улицах, не то что на какой-то там подмосковной дороге. Они въехали в лес. Шоссе было совсем безлюдным. Так всегда: отъедешь от столицы, разменяешь седьмой десяток километров – и жми на газ по дороге, пустой, как взлетная полоса.

– Сереженька, поезжай медленнее, тут так дышится легко, – Катя открыла окно и со своей стороны. – Вот где надо обитать – в таком вот хвойно-озоновом раю. А мы в нашем бедламе скоро совсем скукожимся. Говорят, чтобы в центре жить – надо чугунные легкие иметь.

– Степка так же считает, – откликнулся Мещерский. – Природа, воля, человек на земле. Он вообще утверждает, что мы многое упускаем в жизни.

– В каком смысле упускаем? – Катя высунулась в окно. Что это? Или ей послышалось, или где-то близко остервенело лают собаки... В лесу, что ли? – Далеко еще ехать?

– Километра четыре всего. – Мещерский наклонился, сверяясь с картой автодорог. – Степка сказал, проедем по берегу реки, в рощу на проселок и по...

Он не договорил. Резко, чисто инстинктивным движением нажал на тормоз. Катя, никак не ожидавшая такого маневра, больно стукнулась грудью в переднее сиденье, ничего сначала не успела увидеть, а потом...

– Боже, Сережа, ты же его спиби!

– Нет, нет, он выскочил на дорогу, но я не задел его! – Мещерский уже хлопал дверцей, уже бежал по асфальту. Катя, цепляясь каблуками за резиновый коврик, тоже выскакивала из

машины. А на дороге всего в метре от передних фар «Жигулей» сидел... ребенок. Мальчишка лет восьми в замызганном костюмчике «адидас», в грязных кроссовках. Смуглый, черноглазый и черноглазый, похожий на галчонка.

Мещерский сел на асфальт, начал осторожно осматривать и ощупывать мальчишку. Катя суежилась тут же.

– Тебя не ушибли? Скажи, где болит? Бок? Животик? Нога? Что с ногой? Где больно? В щиколотке, выше? Вот тут?

– Я же не задел его, Катя, – бормотал Мещерский. – У меня реакция, я... Тут выбоина на асфальте, он, наверное, споткнулся, ногу подвернул. Мальчик, почему ты молчишь? Испугался, да?

Мальчишка не отвечал от того, что судорожно хватал ртом воздух – худенькая его грудь вздымалась, как маленькие мехи. Он был весь мокрый от пота, чумазый. Вцепился в Катину руку. Глаза его, блестящие и испуганные, были устремлены в сторону леса. И тут Катя снова услышала тот остервенелый лай. Близко, совсем близко и...

Из кустов на дорогу вылетел полосатый питбуль. За ним еще один, только белый, следом тупорылый приземистый боксер.

Псы замерли на секунду, а затем... Катя почувствовала противную дрожь в коленях. Оскаленные собачьи морды, хриплое рычание, этот мальчишка на дороге... Господи, да что происходит-то?

– Пошли прочь! – взвизгнула она. Кто-то, помнится, говорил ей, что злой собаке нельзя показывать, как ты ее боишься. – Пошли, твари! Ой... ой, Сереженька, я... Ой, какие клыки...

Мещерский поднял ребенка на руки.

– Отходи к машине, – прошептал он. – Медленно, очень медленно. Бога ради, не беги только.

Неизвестно, как бы развивались события дальше, и, возможно, не обошлось бы без сорока уколов в мягкое место, как вдруг из кустов на дорогу выскочили двое каких-то типов в камуфляже. Один прикрикнул на собак, и те тут же подбежали к хозяину. Секунду обе стороны переводили дух – одни от страха, другие от быстрого бега, потом Катя взорвалась:

– Это ваши собаки? Вы что их распускаете? Они нас чуть не разорвали!

«Собачники» – оба совсем еще молодые парни, белобрысы, плотные – словно по команде нагнулись, схватили псов за ошейники. Щелкнули карабины замков – и вот уже собаки на своре.

– Ваши волкодавы преследовали ребенка. – Мещерский усадил мальчика на переднее сиденье. – Вы что это себе позволяете? – Он не помня себя выскочил на дорогу. – Мы едва его не сбили.

– Слушай, парень, ты едешь – и проезжай себе. Не возникай тут, – один из «собачников» осклабился. – Ничего ведь не случилось, правда? Все под контролем. Тебе говорю – не возникай. Забирай свою цацу, и мотайте отсюда.

Мещерский покраснел от гнева. Катя почуяла: дело пахнет скандалом. Господи, не маленькому же и хрупкому Сережке сражаться с этими верзилами! Да они его просто покалечат. Страх она больше не ощущала, ее душил гнев. Ах так, ну я вам сейчас покажу «цацу»!

– Молчать! – снова закричала она, как ей показалось, ужасно грозно. – Уберите своих дохляков и сами мотайте! Я вот милицию сейчас по рации вызову! Хулиганы, а если бы ребенок погиб, а? Сейчас наряд приедет и за милую душу с вами... – Она вдруг осеклась, рука с извлеченным из сумочки удостоверением зависла в воздухе – Катя увидела на груди одного из камуфляжников, который придвинулся ближе, чтобы глянуть на «корочку», какой-то круглый значок, а в нем буквы «Выжива...».

Окончание ее угрожающей речи оказалось совершенно неожиданным для Мещерского:

– Если в вашей чертовой школе принято так развлекаться, то Базарову вашему мы сами сумеем мозги вправить!

Нет, не удостоверение сотрудника милиции, не жест отчаянной отваги, как то вообразалось Кате, а именно фамилия близнеца тут же погасила весь конфликт.

– Ладно, извините, – тип с эмблемой резко рванул к себе скалившегося питбуля. – Мы не хотели, правда. Это же, в конце концов, просто цыганская саранча. Проезжайте.

Они сошли с шоссе и скрылись в лесу. Словно их и не было никогда.

– Дурдом. – Мещерский снял с мальчишки левую кроссовку и начал ощупывать распухшую лодыжку – голую, грязную, носков или гольфов под штанами-«адидасами» и не водилось. – Они тебя больше пальцем не тронут, не бойся.

– Лявры, – мальчишка неожиданно обрел дар речи. – Дядь, дымовуха есть? Дай. Одну – в рот, другую про запас. Ну да-ай... А это у тебя серебро? Настоящее? А какой пробы? – Он ткнул замурзанным пальцем в зажим для галстука на рубашке Мещерского.

– Как это в рот? – опешил тот. – Что?

– Ну сигарету, что-что! Два часа уже не дымил. Дай, не жидись.

Мещерский протянул шкету пачку сигарет. Тот выгреб полпачки. Одну сунул в рот, другие упрятал за пазуху, пошарил в кармане «адидасов», вытащил зажигалку, щелкнул. Катя смотрела, как он уже пускает кольца дыма, точно маленький Змей Горыныч.

– Лявры, – повторил мальчишка снова. – Если б не ваш драндулет, нипочем бы эти лявры меня не догнали.

В голосе его слышался едва уловимый южный акцент, хотя по-русски он говорил вполне чисто. Надо же, цыганенок... Ну конечно, мальчишка как две капли воды походил на своих соплеменников, снующих в метро, электричках, шумных, чумазных, самого разного пола и возраста, иногда бесцеремонных, иногда развязных, иногда растерянных и жалких, как все дети, брошенные на произвол судьбы в мире взрослых, тянущих жалобными голосами любимое «Мы люди-и не ме-е-стны-я-я...», играющих на визгливых гармошках в темных переходах, настойчиво всучивающих вам косметику неизвестного происхождения, аляповатые лейблы, презервативы и прочую грошовую дрянь.

– Тебя собаки не поранили? – спросила она.

– За ср... хотели тяпнуть, только она у меня тухлая, потому что я ею каждый день... – сквернословило это милое восьмилетнее дитя с подкупающим цинизмом. – Нога болит уй-юй-юй как! Ой, тетя, а у вас мелочи не будет? Мне только фанты попить...

– Ты где живешь? – Мещерский переглянулся с Катей: не бросать же этого травмированного циника и попрошайку на дороге. – Где твои родители? Мы тебя к ним отвезем, хочешь?

– Бабка ногу вмиг зашепчет, – мальчишка хитро прищурился. – Я покажу, куда ехать. Это твоя, дядь, тачка? Хреновая. У моего, знаешь, какая шикарная!

– У отца, что ли? – Мещерский завел мотор. – Показывай. Кстати, как звать-то тебя?

Катя мужественно готовилась узреть за поворотом дороги какой-нибудь кочующий цыганский табор со всеми его атрибутами: полосатые перины на траве, уйма горластых детей, закопченные чайники на кострах, цыганки в турецких юбках и вязаных кофтах, прокисшая вонь мочи, пота, керосина, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.